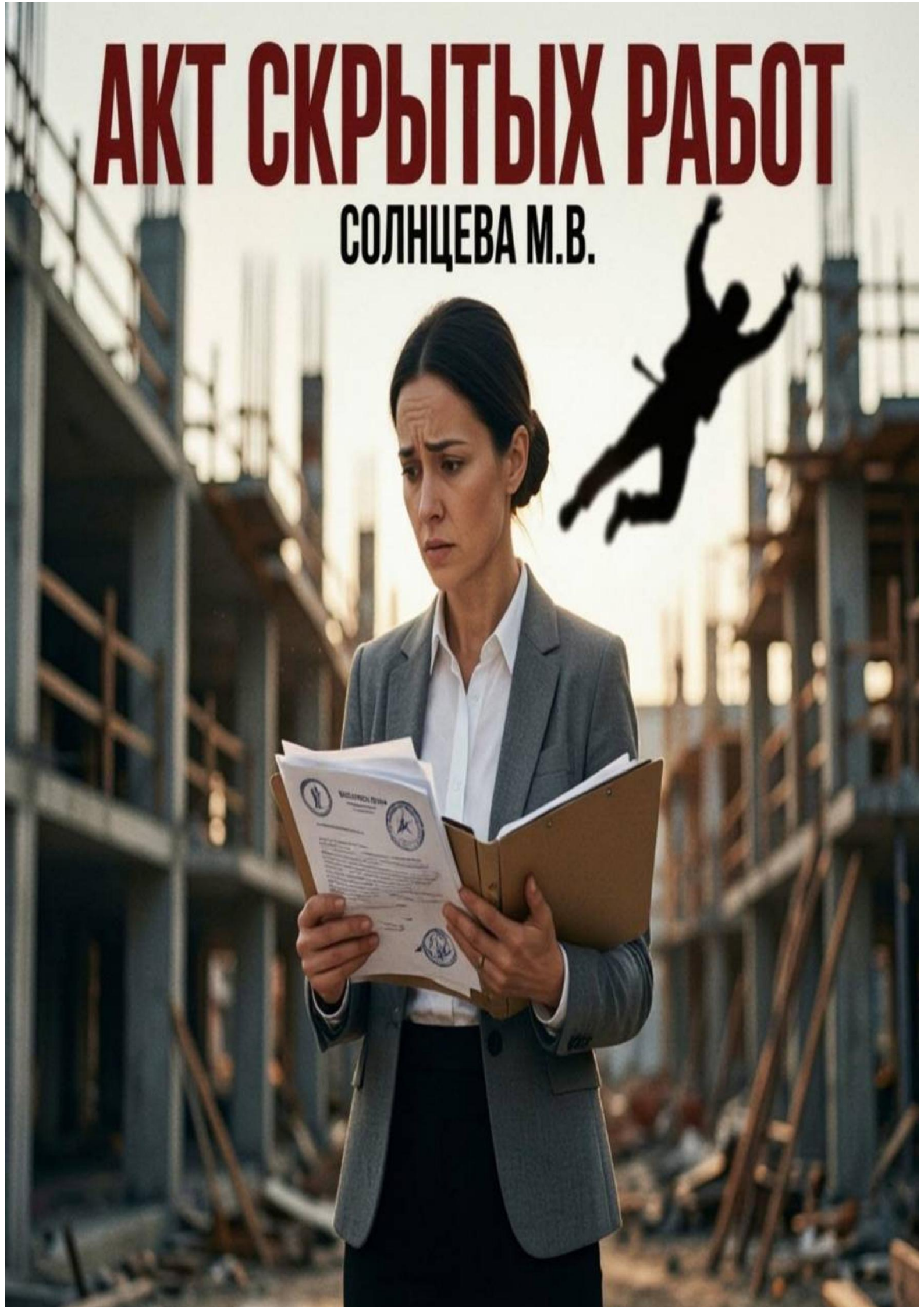
АКТ СКРЫТЫХ РАБОТ

СОЛНЦЕВА М.В.

Маргарита Солнцева

Акт скрытых работ

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Акт скрытых работ / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Лето 2008 года, областной город, жилой комплекс «Полевой». Вера Мохова, двадцать шесть лет, инженер производственно-технического отдела генподрядчика «Горстроймонтаж», ведёт исполнительную документацию: журналы бетонных работ, акты скрытых работ, исполнительные съёмки, табели. Прораб ей говорит: «Это формальность», мастер Басов говорит: «Это память», и оба правы: за год до этого он взял её на работу и научил читать стройку по датам.Восьмого августа Басов погибает, и всё складывается слишком удобно: страховочный пояс висит в бытовке, свидетелей нет. Вера берёт журнал бетонных работ, чтобы сдать его в архив, как положено, — и видит, что последнюю запись сделал не он. Дальше она складывает документы. Журнал, накладные, сертификаты, табели, наряды, — и обнаруживает, что девятый этаж дома номер два собран не по проекту, а «мёртвые души» в табеле получают зарплату уже полгода.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Несчастный случай 6
Глава 2. Пояс 12
Глава 3. Журнал бетонных работ 18
Глава 4. Акт скрытых работ 24
Глава 5. Табель 30
Глава 6. Кубик 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Маргарита Солнцева
Акт скрытых работ

Строительный детектив

Акт скрытых работ

Солнцева М.В.

Восьмого августа мастер участка Пётр Басов падает с девятого этажа строящегося дома. Версия одна: не был пристёгнут, работал один, сам виноват. Инженер ПТО Вера Мохова знает, что он пристёгивался всегда, — и начинает читать бумаги, которые сама же семь месяцев складывала в папки.

Главные герои: Вера Мохова, двадцать шесть лет, инженер ПТО «Горстроймонтажа», ведёт восемьдесят девять папок исполнительной документации и одну личную — с копиями. Пётр Ильич Басов, пятьдесят восемь лет, мастер участка, правило: «бетон запоминает всё, люди — нет». Игорь Анатольевич Токарев, начальник участка, обещает сдать дом к сентябрю. Николай Жбанов, прораб дома номер два, любит порядок на площадке и не любит вопросов. Олег Пименов, снабжение: живёт по принципу «накладная — тоже искусство». Эдуард Кунц, геодезист, единственный человек, который знает точно, где стоит стена, и единственный, кого за это не любят. Инга Лапина, лаборантка строительной лаборатории, хранит кубики бетона, как дети хранят секреты. Нонна Павловна Ерёмина, сметчица, тридцать один год считает наряды и знает стоимость всего, кроме чужой жизни. Валентина Гринько, машинист башенного крана, видит весь город сверху и боится говорить. Клавдия Петровна Дятлова, склад, у неё сходится всё, кроме арматуры. Сергей Копылов, сварщик, у которого всегда включена маска. Станислав Штырёв по кличке Штырь, охрана ЧОП «Барьер», журнал пропусков и синие чернила. Юрий Валентинович Сперанский, инженер технадзора заказчика, ставит подпись, не выходя из машины. Аркадий Леонидович Мезенцев, директор «Горстроймонтажа», правило: «стройка — это сроки, всё остальное — оформление». Игорь Валерьевич Пряхин, следователь райотдела, ведёт дело как несчастный случай, потому что так его учили. Наталья Сергеевна Тюрина, государственный инспектор труда, приезжает на объект без предупреждения. Лебедев, инспектор ГАСН, любит, когда дом сдают вовремя.

Глава 1. Несчастный случай

Седьмого августа, в четверг, Пётр Ильич Басов пришёл в бытовку ПТО в шесть вечера — в то время, когда на объекте становится тихо, потому что бетоновозов уже не будет, а крановщица уходит домой ровно в шесть.

Вера дописывала акт скрытых работ по третьей захватке девятого этажа. Принтер в бытовке стоял старый, казённый, с одной кнопкой и одной болезнью: он жевал бумагу, если вставить её не очень ровно. Пахло тонером и разогретой пластмассой, за стеной кто-то бил кувалдой по опалубке, и от этого в банке с водой дрожала вода.

— Вера.

— Минуту, Пётр Ильич.

— Ты акт по второй захватке девятого этажа готовила? По армированию колонн.

Она отложила мышку.

Басов стоял в дверях, в ватнике, хотя на улице было плюс двадцать восемь, и держал журнал бетонных работ, прижатый к груди, как держат документы люди, которые тридцать лет носят их в руках.

— Готовила. Он ещё не подписан: Жбанов обещал в пятницу.

— А написано в нём что?

— Двенадцать стержней, диаметр восемнадцать, шаг сто. По проекту.

— Вот и я говорю, — сказал Басов. — Что написано — то написано.

Он помолчал. Он всегда так делал: сначала ставил вопрос, потом молчал, чтобы человек сам услышал свою пустоту.

— А я вчера лазил по второй захватке, — сказал он наконец. — Связями не пахнет. Там шаг двести. И диаметр там не восемнадцать, Вера. Там четырнадцать, и то по-доброму.

Вера смотрела на него и не понимала ещё ничего. Она знала, как выглядит арматура в папках: Ø18 А500С, шаг сто, вязка в три оборота, стыки по сорок диаметров. Акты скрытых работ по армированию — её документы. Их подписывал Басов, их подписывал Жбанов, их подписывал технадзор заказчика, и оттуда они попадали в папку, потому что их складывала она.

— Может, ошиблись? Перепутали захватку?

— Первую я тоже смотрел, — сказал Басов спокойно. — И третью. В первой нормально, там всё как надо. Во второй нет. Вера, я тебе это не из-за скандала говорю. Я тебе это говорю, потому что колонны с шагом двести девятого этажа считал не я, а проектировщик, и он считал их под сто.

Он положил журнал на стол, на её аккуратные листы, и Вера увидела его руки: у Басовых руки были в мелких белых пятнах от извести, и пятна эти не сходили даже в отпуске.

— Я впишу это в журнал, — сказал он. — Сегодня. Как положено: замечание, число, подпись.

— Пётр Ильич, не надо бы одному.

— А что, — сказал он, — на стройке у нас отряды ходят? Кто со мной пойдёт, Жбанов? Он мне сказал, что «мастерский глаз замылился».

Он усмехнулся и пошёл к двери, и в дверях обернулся — она помнила это потом двести раз, до каждого слова.

— Ты съёмку исполнительную по девятому этажу подними, — сказал он. — Кунцевскую. Она в июле делалась, там должно быть видно. Только Кунц тебе не покажет: он её подписывал.

Вера пообещала поднять. Она пообещала это так, как обещают в шесть вечера в четверг: завтра.

***

Своего отца Вера помнила плохо, потому что ей было девять, когда он упал. Он был монтажником, вёл смену на комбинате, и всё, что от него осталось в доме, — это каска, которая потом лежала в кладовке и в которой потом три года хранили гвозди. Мать говорила про его смерть две вещи, и Вера выросла с обеими.

Первая: «на стройке всё просто, доченька. Либо сдал, либо упал».

Вторая: «у него всё было пристёгнуто. Поэтому я и не верю ни одному слову в этой стране».

Вера пошла в строительный по расчёту, потому что там была стипендия от треста, а потом осталась в нём по глупости, которую сама себе называла любовью: ей нравилось, что у стройки всё понятно и всё записано. У неё в папках лежало восемьдесят девять дел — по захваткам, по этажам, по месяцам. Каждое можно было открыть и узнать, кто что делал в любой день начиная с марта прошлого года. Она думала, что это и есть настоящая память: не разговоры, а даты.

Басов взял её в ПТО три года назад, когда она пришла на объект с дипломом и была уверена, что генподрядчик — это тот, кто строит.

— Ага, — сказал он тогда. — Генподрядчик — это тот, кто отвечает. Строит субчик, принимает заказчик, а отвечает всегда один, и имя ему находят в последний день.

Он научил её главному её рабочему инструменту, и это был не компьютер.

— Смотри на дату, Вера, — говорил он. — Ты можешь написать в акте что угодно, хоть двенадцать стержней, хоть двадцать. Всё это будет бумага. Но у бумаги есть дата, а у работы есть день, когда она сделана. Если эти два числа не сходятся, значит, есть человек, которому надо было их свести. Вот ты этого человека и ищи. Его искать проще, чем стену: стена молчит, а он — нет.

***

Восьмого августа, в пятницу, была планёрка в восемь утра, в конторе, в комнате, где летом не включали кондиционер, потому что Мезенцев считал, что от кондиционера «люди болеют».

Токарев вёл планёрку быстро, как всегда.

— Девятый этаж дом два — до двадцатого августа под крышу. Кран на втором доме простаивает три дня, потому что у нас «проверки». Мне эти проверки не нужны, мне нужен монолит.

— Игорь Анатольевич, — сказал Басов с места. — По второй захватке армирование не принимаю.

В комнате стало тихо ровно на секунду — так становится тихо, когда в помещении выключается какой-то прибор, которого никто не замечал.

— Почему?

— Потому что не по проекту.

— Пётр Ильич, — сказал Токарев, и голос у него стал ровным и доброжелательным, каким он становился перед неприятным. — Ты мастер участка, а не проектировщик. Есть акт, есть подпись, есть технадзор. Не принимаешь — пиши в журнал, я посмотрю.

— Я впишу.

— Впиши, — согласился Токарев. — А потом зальём третью. Жбанов, ты слышал? Бетон на третью — в понедельник.

Жбанов кивнул, и Вера, которая сидела в углу с папкой и с исполнительной документацией, посмотрела на него и не увидела в его лице вообще ничего. Николай Жбанов был прорабом дома номер два второй год, и все его любили за одно: у него на площадке не валялось ни одного гвоздя. Он умел говорить с людьми так, что после разговора никто ни на что не обижался, и Вера долго считала это качеством, пока не поняла однажды, что качество это бывает двух видов: у одних оно от доброты, а у других — от полного отсутствия интереса.

В половине двенадцатого на объект приехал технадзор заказчика, Юрий Валентинович Сперанский, и машина у него стояла за воротами, на площадке для гостей, в тени. Он не выходил. Вера видела из окна бытовки, как к его «Пассату» подходили по одному: сначала Жбанов, потом Пименов из снабжения, потом Токарев — последним и дольше всех. Сперанский опускал стекло, разговаривал, подписывал листы на капоте, и стекло поднималось обратно.

Правило Сперанского знали все: он не подписывает, стоя. Он подписывает, сидя, — так меньше вопросов.

***

В 14:05 Вера услышала звук.

Она видела до этого, как падают предметы, и знала, что её научили делить звуки на три сорта: звонкий — это железо, глухой — это доска, а третий звук не описывается, потому что у него нет описания, и его узнают один раз и потом помнят всю жизнь.

Она вышла из бытовки. Вокруг второй башни уже бежали.

Он лежал на пятой площадке лестничной клетки, между маршами, у стены, как будто его положили туда аккуратно, и Вера потом не могла забыть именно этого: то, как он лежал, — так не падают, так кладут.

Кто-то кричал в проём вверх: «Второй! Второй этаж, настил!», кто-то звонил в скорую, и у крановщицы Валентины Гринько в кабине на девять этажей выше горел зелёный огонёк, потому что она не слышала ничего и продолжала ждать команду.

Скорая приехала через одиннадцать минут, потому что объект стоял на Полевой, а это, как говорят все, кто там работал, «за границей города».

Врач, молодой, в кроссовках, поднимался по лестнице бегом и вернулся по лестнице шагом.

— Время смерти — четырнадцать пять. Несчастный случай, — сказал он и попросил у Штыря из охраны воды.

В 15:40 приехала милиция: следователь Пряхин, ещё один, с фотоаппаратом, и водитель, который всё время стоял у машины и смотрел в телефон.

Игорь Валерьевич Пряхин был молодой, в форме, с блокнотом и с той вежливой аккуратностью людей, которые сегодня у себя третий месяц и очень не хотят сделать ошибку.

Он поднялся на девятый этаж, посмотрел на проём, посмотрел на ограждения, которых не было, вернулся вниз, сел в бытовке ПТО за стол и стал спрашивать у Веры фамилии.

— Кто был на объекте?

— Все были.

— Ближе к делу. Кто работал рядом с ним?

Вера перечислила: сварщик Копылов и его напарник, два монтажника с подъёмника, электромонтажники из субподряда, четыре женщины на подметании, охранник на воротах.

— Кто видел падение?

Никто не видел падения. Так всегда бывает на записи: падение видят только те, кто на него смотрит, а смотрят на него в этот момент двое — крановщик сверху и человек, который его туда позвал.

— Пояс у него был?

— Не было, — сказал из-за спины Жбанов. — Пояс у него в бытовке висел.

— Вы знаете или предполагаете?

— Знаю. Я заходил к нему в бытовку в обед. Пояс висел на гвозде, каска на столе.

Пряхин записал.

— Значит, так, — сказал он. — Работал один, ограждений на проёме нет, страховочный пояс не использовал. Материалы соберу, приобщу, но предварительно — несчастный случай, не связанный с производством, потому что нарушение самим работником требований охраны труда. Есть вопросы?

Вопросы были у Веры, но она их не задала, потому что они ещё не сложились в вопрос.

Когда милиция уехала, Вера пошла на девятый этаж.

Она поднималась по лестнице, которая ещё не была лестницей: марши бетонные, перил нет, вместо ступеней — доски, прибитые к подступенкам. На площадках свет падал в проёмы, и в этом свете висела пыль, которая на стройке не садится никогда.

На девятом этаже было тихо. Кран стоял, потому что крановщице не давали сигнала, и от этой тишины слышно было, как внизу, у бытовок, кто-то разговаривает по телефону.

Вера прошла по перекрытию к лестничной клетке, к тому месту, где ещё десять минут назад стояло ограждение в три доски, прибитое к стойкам, — она посмотрела и поняла, что ограждения нет вообще, ни досок, ни стоек, ни следов от гвоздей, а рядом, у стены, лежал кусок доски с двумя гвоздями, вынутыми аккуратно, а не выломанными.

Доску эту она видела утром на лестничной площадке седьмого этажа.

Дальше она сделала то, чего сама от себя не ожидала: достала из кармана рулетку. Рулетка у неё была всегда, как у всякого, кто работает в ПТО, только пользовалась она ею обычно на бумаге, а не на бетоне.

Вторая захватка девятого этажа — это четыре колонны и две стены. Вера подошла к первой колонне, которую Басов и мерил в четверг, присела и посчитала стержни в одном ряду: шесть. По проекту в ряду должно было быть двенадцать. Она отмерила рулеткой расстояние между двумя стержнями: двадцать сантиметров, ровно, как по линейке.

Двести миллиметров шаг. Диаметр она могла определить на глаз приблизительно, и это был не восемнадцать.

На перекрытии, у вязальной проволоки, лежал мусор: обрезки, окурки, обломок рейки. И ещё там лежала бирка — маленькая пластиковая бирка с металлизированной полосой, такие вешают на пачки металла на заводе, где написано, что это за сталь. На бирке было написано «Ø14 А500С, партия 4417».

Она подняла её, пошла вниз, и по дороге, на пятой площадке, где лежал Басов, стояли Штырь и второй охранник и молча курили, сдвинув каски на затылки.

Вера на бирку посмотрела ещё раз у себя в бытовке. Партия 4417 в накладных не значилась: Вера знала номера партий наизусть по месяцам, потому что сертификаты на металл подшивала лично, и в июне-июле по арматуре Ø18 шли партии 4402, 4409 и 4415.

Бирку она положила не в папку. Она положила её в кошелёк, к проездному.

***

К вечеру она нашла ещё двоих, и оба разговора были короткие.

Эдуард Кунц, геодезист, сидел в бытовке-складе за своим столом и перекладывал из папки в папку листы съёмки. У него на столе стоял термос, а под столом — ящик с нивелиром, и ящик этот он закрывал на замок, как закрывают сумку с деньгами.

— Эдуард Иванович, исполнительная съёмка по девятому этажу дома два у вас? Июльская.

— У меня, — сказал Кунц, не поднимая головы.

— Можно посмотреть?

— Нельзя.

— Почему?

Он поднял голову. У него было узкое лицо и очень усталые глаза, и он смотрел на Веру так, как смотрят на человека, которому надо объяснить очевидное и неприятное.

— Потому что съёмка подписана, — сказал он. — Я её подписал, Жбанов подписал, технадзор подписал. Значит, она правильная. Если я её тебе сейчас дам пересматривать, что это будет? Я тридцать лет работаю, Вера. Двадцать восемь.

— Эдуард Иванович, Басов умер.

— Я его хоронил в девяносто четвёртом на Комсомольской? — сказал Кунц, и Вера не сразу поняла, что он говорит не о Басове, а о другом человеке. — Нет. Это я так.

Он снова уткнулся в папку.

— Я тебе ничего не показывал, — сказал он в листы. — Ты у меня ничего не просила.

Валентину Гринько она поймала у выхода с объекта, когда та шла к остановке. Валентине было пятьдесят четыре, она двенадцать лет водила башенный кран и знала про этот объект то, чего не знал никто, потому что с высоты сорок метров видно всё, что происходит на площадке, и никто из тех, кто видной снизу, об этом не думает.

— Валентина Ивановна, можно?

— Ну?

— Вы в четырнадцать ноль-пять где были?

— В кабине, — сказала Гринько. — Я всегда в кабине. Я в кабине двенадцать лет, я в кабине обедаю.

— Вы видели что-нибудь?

— Я смотрела вниз, — сказала она. — Там ничего.

Они пошли вместе к остановке, и Вера не говорила больше ничего, и Валентина вдруг сказала сама, глядя на дорогу:

— Он пошёл наверх в два. Я его подняла на девятую, он сказал: «Валя, я на захватку». А в четырнадцать ноль-пять я давала груз на третий дом, и мне махали с площадки. С площадки! Кто махал, я не скажу, потому что сверху люди как гвозди, и я не обязана их различать. Я обязана смотреть на груз.

Она остановилась и посмотрела Вере в лицо.

— Девочка, у меня внук в музыкальную ходит. Я тебе ничего не говорила.

И пошла к автобусу, и в автобусе села у окна, и когда автобус тронулся, Вера увидела, что она не смотрит в окно, а сидит лицом вперёд и держит сумку двумя руками.

***

Вечером она пошла в бытовку Басова — маленькую, покрашенную краской, с гвоздём на стене под пояс, — и собрала его вещи, потому что это надо было кому-то сделать, а жены у него не было уже восемь лет, и дочь жила в другом городе.

Ватник, кепка, кружка с отбитой ручкой, термос, пакет с сухарями, которые он брал с собой, чтобы не есть в столовой («в столовой кормят сметой, а не мясом»), карандаш, кусок мела, две таблетки от давления в бумажке.

На гвозде висел страховочный пояс — серый, выцветший, с карабином, который он неделю назад просил у Копылова смазать, потому что тот «заедает, как советская власть».

Вера сняла пояс, посмотрела на него и положила на стол.

Потом она взяла с полки журнал бетонных работ — толстую книгу в коленкоровой обложке, где Басов писал каждый день своей рукой, — потому что все журналы по регламенту сдаются в ПТО в последний день месяца, а она была тем человеком, который их принимает и складывает в архив.

Она села на его табурет и открыла последнюю страницу.

Запись за седьмое августа была. Была запись и за восьмое — утренняя, про то, что бетон на третью захватку не подан.

А под ней, в графе «замечания», стояло ещё три строки, и эти три строки были про шаг арматуры, про вторую захватку и про то, что акт по ней не подписан.

Чертёжным наклоном. С нажимом. Красивым почерком человека, который учился в институте и любил чертить.

У Басова почерк был другой: мелкий, круглый, с петлёй у «б» и с бесконечными хвостиками вниз, потому что он всю жизнь подписывал ведомости и никогда не любил, когда букву видно плохо.

Дома она разложила на столе всё, что у неё было, и это оказалось не так много: журнал бетонных работ, бирка из кошелька, акт скрытых работ по второй захватке — тот самый, который Жбанов вечером в пятницу положил ей на стол со словами «подшей, всё подписано», — и лист предписаний за июль. Квартира была съёмная, одна комната на Заводской, с окном во двор, и в час ночи во дворе орали коты, а в подъезде кто-то ронял бутылки.

Вера читала акт.

«Произведены работы по армированию колонн второй захватки девятого этажа. Работы выполнены в соответствии с проектом 04-08-АС, лист 12. Претензий по качеству нет». Ниже четыре подписи: Басов, Жбанов, Сперанский, и ПТО — то есть она, Вера Мохова, потому что третью подпись в таких актах ставит тот, кто ведёт документацию.

Дата стояла седьмое августа. То есть четверг — тот самый вечер, когда он пришёл к ней в бытовку с журналом и сказал «шаг двести».

Она перечитала дату трижды, и с каждым разом у неё в голове становилось тише.

Потому что в четверг вечером Басов сидел у неё на табурете, держал журнал у груди и говорил, что акт по второй захватке подписывать не будет. И она сама вечером в четверг отдала этот акт Жбанову — без единой подписи, кроме своей.

Дальше она сделала то, к чему её три года приучал человек, лежавший теперь в морге на Полевой, в двух кварталах от её окна.

Она взяла лист и написала в столбик.

Первый пункт: «Шаг арматуры второй захватки девятого этажа — двести вместо ста, диаметр четырнадцать вместо восемнадцати». Второй: «Бирка Ø14, партия 4417 — в накладных и сертификатах не значится». Третий: «Ограждение с лестничной клетки девятого этажа снято, доска с вынутыми гвоздями лежала у стены». Четвёртый: «В четырнадцать ноль-пять на площадке девятого этажа было двое — по словам машиниста крана». Пятый: «Страховочный пояс в бытовке, карабин заедает со слов самого Басова восьмого числа в четверг».

Она посмотрела на пять строк и дописала шестую.

Шестой пункт был: «Он пристёгивался всегда».

Вера смотрела на этот лист долго. Потом сложила его вчетверо и убрала в ту же папку, где лежали копии, — а папка эта лежала не в ПТО, а дома, под подушкой дивана, потому что она была единственная, которую Вера не сдавала никому.

Спать она легла в три.

В понедельник, одиннадцатого августа, дом номер два собирались бетонировать дальше — на третьей захватке девятого этажа, ровно над той, где шаг был двести.

Глава 2. Пояс

В субботу на объекте работали, потому что в августе на стройке не работает только то, что уже сдано.

Вера пришла в восемь, как всегда, и сразу поняла, что что-то изменилось: у конторы стояла ещё одна машина, не наша, серая, а в комнате для совещаний сидели трое — Токарев, Пименов из снабжения и незнакомый мужчина в рубашке с коротким рукавом и с папкой, в которой лежали листы, отпечатанные вчера вечером.

— Мохова, — сказал Токарев, увидев её в дверях. — Заходи. Знакомься: Виктор Степанович, наш инженер по охране труда, из треста. Вчера приехал.

Инженер по охране труда встал, пожал ей руку и сказал вежливо:

— Соболезную. Мы оформим всё, что положено. Комиссия по расследованию будет создана приказом, у нас пятнадцать дней.

— Спасибо, — сказала Вера.

— Там, — сказал инженер, — я вчера посмотрел на месте. Ограждения на лестничной клетке девятого этажа нет. Это нарушение, да. Но, понимаете, у нас по всем объектам так: до сдачи ограждаем временно, а временное — оно известно какое. И, главное, пояс. Пояс висел в бытовке. Мастер работал один, в проём полез без пояса. Это, к сожалению, чистое нарушение самим работником.

— Пояс висел в бытовке, — повторила Вера.

— Да. Это подтверждает прораб, Жбанов.

— А откуда он знает?

Инженер посмотрел на неё без всякой враждебности, а с той усталой вежливостью, которая в таких разговорах и есть настоящая стена.

— Он заходил к нему в обед, — сказал он. — Мохова, я понимаю, это тяжело. Человек был хороший, я слышал. Но я вам объясню, как это работает. Если случай связан с производством, мы обязаны оформить акт по форме Н-1, и тогда у нас появляется несчастный случай на производстве: с комиссией, с мероприятиями, с ответственными, с деньгами. Если случай не связан с производством, у нас несчастный случай без производства: материалы собираются, семье платит фонд, а у объекта — ничего. Я не решаю, что случилось. Я оформляю.

Он говорил спокойно, и от этого его слова было труднее всего оспаривать.

Вера вышла из конторы и села на лавку у бытовки, потому что поняла, что у неё дрожат руки, а дрожать на объекте не принято.

Напротив, у третьего дома, Копылов поднимал маску и пил воду из бутылки, и над площадкой стояла та густая августовская пыль, в которой свет от солнца становится белым.

Вера присмотрелась к календарю в телефоне и посчитала.

В пятницу, в 12:40, она поднималась на девятый этаж дома номер два. Она это вспомнила сейчас, потому что вспоминать чужой день легче по документам, а свой — по тому, что делала. Она поднималась с папкой: несла на подпись Басову два предписания по складированию и лист согласования на подключение крана. И на площадке второй захватки он стоял в поясе.

Она не думала об этом, когда поднималась. Она думала о том, что лист согласования надо вернуть в диспетчерскую до обеда, и о том, что у неё в папке нет копии предписания по третьему дому, и ещё о том, что от ПТО требуют «свести» июльские акты к первому сентября.

Но она помнила пояс. Серый, выцветший, с пристёгнутым карабином на бедре, как носят те, кто носит его каждый день и уже не замечает.

Он ещё сказал ей тогда:

— Вера, у тебя что, копий нет? Ты мне не копию даёшь, а оригинал. Оригинал подписывают один раз, а копию можно подписать два.

Она тогда пообещала сделать копии и не сделала.

В 12:40 он был в поясе.

***

Жбанов сидел в своей бытовке и раскладывал по столу листы: план бетонирования на понедельник, заявку на бетон, схему подачи.

— Николай Петрович.

— М…

— Вы сказали, что видели пояс у Басова в бытовке в обед.

— Сказал.

— В какое время?

— В час. Без десяти час, может.

— А в двенадцать сорок, — сказала Вера, — он стоял на площадке второй захватки девятого этажа. В поясе. Я его видела, я там была.

Жбанов положил ручку.

Он не изменился в лице — у него было лицо человека, который умеет не меняться в лице, — но он замолчал, и молчал ровно столько, сколько нужно, чтобы человек, умеющий слушать, услышал, что это пауза не про пояс.

— Ну, — сказал он. — Значит, снял. Мастер тоже человек, ему жарко.

— Он снял пояс и оставил его в бытовке, а сам пошёл в проём?

— Вера, вы инженер ПТО, — сказал Жбанов ровно. — Ваша работа — бумаги. Вы в поясах не разбираетесь, вы в них не ходите. Я вам скажу, как прораб: пояс лежал в бытовке, я его видел, до обеда ли, после — не помню. Кто вам скажет точнее?

— Комиссия.

— Комиссия, — согласился он. — Вот пусть комиссия и решает. А вы, Вера, вот что. Вы вчера вечером заходили в его бытовку?

— Заходила. Вещи собрала.

— И пояс?

— Пояс сняла с гвоздя. Он там висел.

— Висел, — сказал Жбанов и вернулся к листам. — Ну вот.

И Вера поняла, что он сделал: он поставил её показания рядом со своими и уравнял. Он сказал не «я прав», он сказал: «ты тоже видела пояс на гвозде». А поскольку пояс действительно висел на гвозде, это было правдой.

Она стояла и смотрела на его руки, которые ровно раскладывали листы по краю стола.

— Николай Петрович, — сказала она. — Акт по второй захватке вы вчера вечером положили мне на стол.

— Положил.

— Он подписан.

— Подписан, — согласился Жбанов. — Всё как положено. Технадзор подписал, я подписал, Пётр Ильич подписал. Мохова, я не понимаю, к чему вы это.

— К тому, что в четверг в шесть вечера этого акта, подписанного не было.

— Ну, — сказал Жбанов, — значит, вы его до конца не посмотрели.

Он поднял глаза, и Вера увидела в них то, что видела в тот раз, когда его попросили сравнить бетон с паспортом партии: полное, круглое, доброжелательное отсутствие интереса.

— Идите работайте, — сказал он. — У нас понедельник. Бетон.

***

Уже выходя, Вера увидела Копылова, который сидел на перевёрнутом ящике у третьего дома и подметал ботинки куском арматуры.

Сергею Копылову было тридцать девять, он двенадцать лет варил на этом объекте и за это время не сказал Вере ни одного лишнего слова, но всегда отвечал на её вопросы про металл, потому что металл — это была его территория.

— Сергей Николаевич, пояс Басова.

— Ну.

— Вы его смазывали?

— Смазывал, — сказал Копылов. — В среду. Вот такой был разговор: он говорит, карабин заедает, зимой я его открывал двумя руками, а сейчас и одной боюсь. Я взял, разобрал, смазал, отрегулировал, отдал ему в руки. Он при мне открыл одним пальцем и сказал: «Вот теперь жить можно».

— В четверг, в пятницу он у него был?

— В четверг был, — сказал Копылов. — Я его спрашивал: «Как пояс?» Он говорит: «Как часы». В пятницу я его не видел. Я в пятницу варил на пятом, у меня заваривать надо было восемь часов, я никого не видел.

Он помолчал и посмотрел на неё снизу, прищурившись от пыли.

— Вера, ты это к чему? Пояс же в бытовке висел.

— Вот именно поэтому и висел, — сказала Вера.

Копылов посмотрел на неё, потом на бытовку Басова, потом опять на неё, и не сказал ничего. Он был не тот человек, который станет спорить; он был тот, кто двенадцать лет варит в маске и за это время научился одной вещи — не поднимать голову, пока не потребуется.

Вера пошла в свою бытовку и высыпала на стол содержимое пакета с вещами.

Ватник был тяжёлый. Она нашла фал в правом кармане — скрученный восьмёркой, тот самый фал с амортизатором, который в банке не выдают, а выдают на стройке вместе с поясом, потому что пояс без фала — это просто ремень с железками.

Она разложила всё на столе и стала смотреть.

Пояс. Фал. Журнал бетонных работ. Акт по второй захватке. Бирка в кошельке.

В ПТО у неё лежал ещё один документ, про который на объекте не помнил почти никто, кроме неё и инженера по охране труда, — журнал учёта средств индивидуальной защиты. Тонкая книга в твёрдой клеёнчатой обложке, где четыре графы: кому, что, дата, подпись. За неё в тресте спросили на той неделе, что была до этой, и Вера открыла журнал первым делом, ещё в четверг, чтобы ответить письмом.

Она вспомнила об этом сейчас и пошла за журналом.

Пятое августа, вторник, — запись, сделанная инженером по охране труда, которого на объекте тогда не было: «Басов П. И. — фал страховочный с амортизатором, 1 шт. Взамен пришедшего в негодность». И подпись: Басов.

Вера смотрела на эту подпись, и в голове у неё щёлкало одно и то же: он получил фал во вторник, он ходил в поясе в четверг, он стоял в поясе в пятницу в 12:40. А в семь часов вечера пояс висел на гвозде без фала, а фал лежал в кармане ватника, скрученный восьмёркой, как складывают то, что несут домой.

И вот тут она впервые подумала не о том, «что случилось», а о том, что ей придётся делать дальше.

Потому что одно дело — сказать вслух «он пристёгивался», и совсем другое — прийти с этим к людям, у которых уже есть протокол осмотра, объяснение прораба и инженер по охране труда из треста, который вчера вечером приехал и сегодня в девять утра уже знает слова «чистое нарушение самим работником».

Вера работала в ПТО третий год и знала главное правило этой работы: у бумаги есть вес ровно до тех пор, пока её можно положить на стол. Сказанное в бытовке весит ноль. Поэтому она взяла лист, села и написала заявление.

Написала она так, как её учили писать письма, которые нельзя вернуть: коротко, без оценок, только то, что она видела и что есть в журнале. «В 12 часов 40 минут 8 августа 2008 года я, инженер ПТО Мохова В. С., находилась на площадке второй захватки девятого этажа дома номер два и видела мастера участка Басова П. И. в страховочном поясе с пристёгнутым фалом. Также сообщаю, что 5 августа 2008 года Басов П. И. получил фал страховочный взамен негодного, о чём есть запись в журнале учёта средств индивидуальной защиты».

Она перечитала, подумала и дописала ещё одну строку: «Ограждения на проёме лестничной клетки девятого этажа в момент осмотра в 14 часов 30 минут 8 августа не было, следов крепления ограждения на месте не сохранилось».

Потом посмотрела на текст и поняла, что это уже не заявление, а документ, и что если она его подпишет, назад дороги не будет, потому что в этом филиале дорога назад закрывается просто: у человека, который один раз пошёл против «случая», дальше уже не спрашивают, как варить.

Она подписала и поставила дату.

***

В райотдел она поехала в обед, на автобусе, потому что машину из гаража на такое не выпросишь.

Дежурная часть была в старом здании с широкими подоконниками, на которых сохли папки. Вера отстояла очередь — впереди стоял мужчина, который писал заявление про соседа, который поставил машину на газон, — и ей выдали талон-уведомление, потому что заявление у неё приняли и зарегистрировали.

Талон был маленький, на серой бумаге, с номером 1171 и с датой.

— Вот, — сказала женщина за окном. — Один экземпляр вам, это для вас. Роман… то есть Игорь Валерьевич с вами свяжется.

Игорь Валерьевич Пряхин позвонил ей в тот же вечер, в половине восьмого, с номера, который она не знала.

— Мохова? Следователь Пряхин. Вы заявление написали.

— Я.

— Я вам хочу сказать по-человечески. Дело по вашему объекту у меня. Мне вчера сказали «несчастный случай», и я написал, что думал. Вы пишете другое. Мне теперь надо проверять. Вы понимаете, что вам придётся объяснять, почему вы в пятницу ничего не сказали, а в субботу написали?

— В пятницу я не знала, что говорить.

— А в субботу узнали.

— В субботу я узнала, что в акте стоит подпись человека, который в четверг вечером сказал мне, что подписывать этот акт не будет.

В трубке стало тихо. Потом Пряхин сказал:

— Мне нравится, когда вы так говорите. Только знаете, что я вам посоветую? В следующий раз говорите это в кабинете и при ком-то. Телефон — это не документ.

— Хорошо.

— И вот ещё. — Он вздохнул, и Вера услышала, как он встал и пошёл, потому что шаги в трубке гулкие. — Вы понимаете, чем это может кончиться для вас?

— Понимаю, — сказала Вера. — Если подмена найдётся, искать будут не того, кто её сделал. Искать будут того, кто подписал. А в актах, которые вы поднимаете, третья подпись всегда моя.

— Вы, — сказал Пряхин, — странный человек. Я вам об этом не говорил.

Он положил трубку, а Вера посидела ещё немного в темноте на кухне и посмотрела на свой лист.

Талона в списке не было. Она дописала седьмой пункт: «Талон-уведомление 1171, 9.08».

И тут зазвонил телефон второй раз, и в трубке был Токарев.

— Мохова, — сказал он, — ты где?

— Дома.

— Ты у нас следователь теперь, я слышал.

— Я ничего не просила, Игорь Анатольевич.

— Ты написала заявление, — сказал Токарев, и голос у него был не злой, а усталый, как у человека, который объясняет арифметику тому, кто пришёл считать не то. — Понимаешь, у нас десятое сентября, у меня график, а у графика — деньги заказчика. Если у нас тут будет разбирательство, дом не сдадут, дом встанет. Ты хоть представляешь, что такое вставший дом? Это неустойка, это субподрядчики, которые уйдут, и это одиннадцать человек в ПТО, которых переведут в другие города. И среди этих одиннадцати — ты.

— Игорь Анатольевич, я нашла в акте подпись.

— Акт тебе принёс прораб, — сказал Токарев спокойно. — Акт подписан тремя людьми. Ты его подшила и сдала в папку, и папка у тебя в ПТО, и третья подпись под ним — твоя, потому что это твоя работа. Мохова, я тебе объясню один раз. Есть стройка, а есть суд. На стройке правду находят по акту, а в суде — по тому, кто его подписал. Обе правды работают, но одна из них быстрее.

Он положил трубку так же ровно, как говорил.

***

В воскресенье Вера поехала к дочери Басова.

Ольга жила в Северном, в девятиэтажке, точно в такой же, какие «Горстроймонтаж» строил в Полевом, только этой было двадцать лет, и на фасаде от углов к балконам шли трещины, расписанные кем-то из жильцов по штукатурке.

Она открыла дверь и сразу поняла, зачем пришла Вера, и всё, что было дальше, они говорили стоя, в прихожей, потому что у Ольги в комнате спал ребёнок, а на кухне сидел её муж и смотрел телевизор без звука.

— Вот, — сказала Вера и отдала пакет. — Термос, кружка, сухари, таблетки. И каска.

— Каска у него была? — спросила Ольга. — Он её не носил никогда, я ему говорила, а он говорил: «в каске только дурак на объекте, все свои».

— Каска была в бытовке.

Ольга поставила пакет на пол и посмотрела на Веру тяжёлым внимательным взглядом, каким смотрят люди, у которых уже всё случилось и которым теперь важно только одно: чтобы это было не зря.

— Он мне звонил в четверг, — сказала она. — В десятом часу. Мне вообще-то редко звонил, а тут позвонил и говорит: «Оль, я в понедельник бетон не приму». Я говорю: пап, какой бетон, ты на пенсию собирался. А он: «там шаг не тот, я в журнал пишу». Я не поняла. Я подумала, он выпил.

— Он не пил, — сказала Вера.

— Не пил, — согласилась Ольга. — Я потом, в пятницу, как узнала, сидела и думала: он мне про шаг говорил. А я говорю: «пап, ты на пенсию собирался». А зачем вы пришли? Вы кто?

— Я в ПТО. Он меня на работу брал.

— А. — Ольга кивнула, как будто это всё объясняло. — Он про вас говорил. Говорил: «у меня девчонка в ПТО, злая, всё пишет». Он это как хорошее говорил, вы не думайте.

Вера вышла из подъезда и постояла во дворе, где пахло тополиным пухом, которого в августе уже не бывает, но во дворах-девятиэтажках он почему-то пахнет круглый год.

Он сказал дочери то же самое, что ей. Значит, это было не настроение и не ссора в бытовке, а решение: он собирался в понедельник остановить девятку. И об этом знали два человека, кроме него, и одним из этих двух была она.

***

Вечером она поехала на объект.

В воскресенье объект — это лучшее место в городе: пустые бытовки, ни одного человека, кроме охраны, и тишина, в которой слышно, как оседает бетон.

Штырь сидел в своей будке у ворот, смотрел телевизор и писал что-то в журнал пропусков синими чернилами.

— Работать будешь? — спросил он, не отрываясь.

— Копии снять.

— Свет в конторе включи, у меня от щитка пробки выбивает, если сразу много.

В конторе Вера включила копир, тот самый, старый, с одной болезнью на один лист, и за два часа сняла копии всего, что у неё было: последние четыре страницы журнала бетонных работ, акт скрытых работ по второй захватке — обе стороны, все четыре подписи крупно, — страницы журнала учёта средств индивидуальной защиты за август, своё заявление, талон-уведомление 1171 и предписания по ограждениям за июль.

Потом достала папку, в которой лежала вся её личная работа, и написала на первом листе:

«Опись документов, копии которых находятся у инженера ПТО Моховой В. С. на 10 августа 2008 года».

Семь пунктов. Каждый — с номером, датой и тем, где лежит оригинал: «оригинал — журнал бетонных работ, бытовка мастера участка, сдан в ПТО 8.08.2008»; «оригинал — акт скрытых работ по армированию колонн второй захватки девятого этажа дома № 2, папка 3-9, ПТО».

И внизу подпись и дата.

Она правила эту опись три раза, потому что сначала написала «копии находятся у меня дома», а потом поняла, что писать надо место, а не человека, и что «у меня дома» — это то самое слово, из-за которого копии исчезают вместе с человеком.

Копии она увезла в папке и положила в багажник, а не в сумку, потому что в сумку на стройке лезут без спроса, а в багажник — только по делу.

Уходя, она выключила свет, и Штырь сказал ей вслед:

— Мохова, ты в пятницу у него в бытовке была вечером?

— Была.

— А пояса там висело?

Она остановилась.

— Висело, — сказала она. — А что?

— Да так, — сказал Штырь и посмотрел в телевизор. — Я его утром в пятницу в поясе видел. Я ворота открывал, он мимо прошёл, я ещё подумал: вот человек в жару в поясе ходит.

Он поставил точку в журнале и добавил уже спокойно, будто про погоду:

— Только ты, Мохова, это, ко мне не ссылайся. У меня смены, у меня график, у меня подпись в каждом журнале. Меня с работы за такие разговоры выгонят первым, потому что я тут никто.

Глава 3. Журнал бетонных работ

В понедельник Вера пришла на объект в семь, потому что не спала с четырёх.

Ворота были уже открыты, и за ними шла обычная августовская стройка: к дому номер два подали бетононасос, стрела у него поднята, как удочка над водой, вдоль стены лежали лотки, двое арматурщиков волокли рулон полиэтилена, сварщик Копылов шёл куда-то с маской на затылке, а из-под крана, пританцовывая, спускалась на землю бадья — порожняя.

Значит, бетон будет здесь, а не на третьем доме. Значит, сегодня.

В бытовке ПТО пахло перегретым линолеумом. Вера открыла окно, поставила чайник и достала из шкафа то, из-за чего пришла: журнал бетонных работ по дому номер два.

Журнал она приняла в пятницу, сразу после того, как его принесли из бытовки мастера. Общая тетрадь в коленкоровой обложке, восемьдесят четыре листа, клеёнчатые поля, по которым видно, сколько раз её роняли. На первой странице — шапка, заполненная в апреле её же рукой: объект, захватки, организация, ответственные лица. «Ведущий запись — мастер участка Басов П. И.».

Записи шли столбиком, по сменам. Первая — шестое мая. Последняя — восьмое августа.

Вера знала этот почерк лучше, чем свой. Басов был левша и никогда этого не прятал: писал с наклоном влево, мелко и кругло, с петлёй у «б» и с хвостиками вниз, и всегда смазывал ладонью то, что только что написал, — поэтому в его записях всегда были смазаны последние слова строки, а от ладони по бумаге шёл серый след. Он писал только чёрным, только гелевой ручкой, которой у него лежало три в кармане ватника, и слово «бетон» он сокращал как «бет.», а слово «стержни» не писал вовсе — писал «ст.» и цифру. Числа он писал с точками: «28.07.2008», целиком, потому что говорил, что год без года — это не дата, а отговорка.

– День добрый.

В дверях стоял Токарев. В рубашке, с планом на сгибе, как с газетой.

– Ты чего в семь?

– Бетон сегодня, – сказала Вера. – Я хочу посмотреть армирование до укладки.

– Посмотри, – согласился Токарев. – В девять планёрка, в час первая машина. Бетон заказан, завод «Бетон-Плюс», пятьдесят четыре куба, девять машин. Дом два закрываем мы, Мохова, а не они нас.

Он ушёл. Вера посидела ещё немного и сделала то, что делала всегда, когда не понимала: переписала.

***

Она взяла последние два листа — седьмое и восьмое августа — и переписала их от руки в свою тетрадь слово в слово, вместе с помарками. Так было видно то, чего не видел глаз: если записи переписать, из них уходит почерк, остаётся только смысл, а смысл уже надо читать.

За седьмое августа стояло:

«7.08.2008. Первая смена. Погода ясно. Температура на 8.00 +24. Бетонирование колонн второй захватки 9 этажа дома № 2 закончено. Объём 26,2 куб. Бет. В30. Сделано в одну смену, бригада снята на третью захватку. Мастер Басов».

А за восьмое:

«8.08.2008. Первая смена. Погода ясно. Температура +19. Армирование колонн 2-й и 3-й захваток 9 этажа выполнено по рабочей документации 04-08-АС. Шаг двести. Отступлений от проекта не имеется. Класс бетона В30. Объём 52,4 м. куб.»

Вера перечитала запись за восьмое четыре раза.

Во-первых, температура. Басов брал её со своего термометра на столбе у бытовки и писал всегда на восемь утра, потому что так положено в отчёте по бетонным работам: температура смеси и температура воздуха нужны для того, чтобы потом, когда начнут спрашивать, было

чем ответить. Восьмого августа в восемь утра на площадке было двадцать четыре, и она это помнила отчётливо, потому что в тот день искала тень, как собака.

Девятнадцать градусов стояло в утреннем выпуске городского радио — как средняя температура дня по области. Басов радио не слушал, радио слушал кто-то, кто писал эту строку и держал в голове прогноз, а не столб.

Во-вторых, «выполнено». Басов писал «сделано». Он говорил: «сделано — это про руки, а выполнено — это про графу». За четыре месяца в журнале слово «выполнено» не встречалось ни разу.

В-третьих, шаг. Шаг был сто. Сто — по проекту 04-08-АС, в колоннах девятого этажа двенадцать стержней класса А500С диаметром восемнадцать с шагом сто миллиметров, и это было записано в её же папке 3-9 в трёх местах. В журнале стояло «шаг двести» — и в той же строке «отступлений от проекта не имеется». Одно из двух: либо проект в папке 3-9 не тот, по которому строят, либо журнал не то, за что его принимают.

В-четвёртых, строка была чистая. Ни смазанных краёв, ни серого следа от ладони, ни наклона. Ровные прямые буквы, сильный нажим, цифра «1» с крючком сверху, «д» с петлёй. Так пишет человек, который держит ручку как молоток.

Вера взяла лист, приложила к нему страницу за седьмое и посмотрела на свет. За седьмое писала рука. За восьмое писала не рука. За восьмое писала другая рука, и это было единственным, что она знала точно, — а точного в её работе было мало, и она привыкла этим дорожить.

***

В девять началась планёрка, и Вера пошла на неё с журналом под мышкой.

Планёрка была в комнате для совещаний, у которой никогда не работал кондиционер и всегда работал телефон. Токарев раздал бумаги, Пименов из снабжения доложил про щебень, Жбанов про то, что на девятом этаже у него осталось два проёма закрыть и уберутся до обеда, Гринько про то, что кран она в восемь поставила и ветер не мешает.

– Бетонирование третьей захватки — в час, – сказал Токарев. – Бадья, насос, вибраторы, полиэтилен. Кто не успел убрать — уберутся под насосом.

Вера подняла руку.

– Игорь Анатольевич, по третьей и второй захватке нет акта освидетельствования скрытых работ по армированию. Ни по второй, ни по третьей.

– Акт по второй у меня, – сказал Жбанов сразу, будто ждал этого с утра. – Подписан. Технадзор видел.

– Он его видел из машины, – сказала Вера.

– Мохова, – сказал Токарев ровно, – я тебе напомню, как это делается. Акт подписывает производитель работ, то есть прораб. Технадзор — вторая подпись, заказчик. Заказчик в курсе, объём идёт в КС-2, дом сдаётся пятнадцатого сентября. Твоя подпись в акте третья, ты подписываешь исполнительную документацию, и она у тебя в папке. Я не вижу вопроса.

– Вопрос в том, что укладывать бетон в неосвидетельствованное армирование нельзя.

В комнате стало тихо. Телефон на столе звякнул один раз и замолчал.

– Ты сегодня выезжаешь на захватку? — спросил Токарев.

– Нет.

– Тогда слушай внимательно, один раз. Бетон заказан. Заявка ушла в четверг, завод сварганил состав под нас, машины стоят в одном графике с тремя другими объектами и с двумя мостами. Каждая машина — шесть кубов, простой — деньги, причём деньги не наши с тобой, а заказчика, и он их с нас потом удержит. Если мы сегодня не льём, дом два встаёт минимум на неделю, потому что в четверг — дом три, четвёртый этаж, там плита.

– Игорь Анатольевич, я прошу остановить захватку до освидетельствования.

– Нет, – сказал Токарев, и на этот раз он был не начальник участка, а человек, у которого в графике стоит дата. – Нет, потому что через месяц мы с тобой сегодняшний день будем

обсуждать три раза: диспетчерское совещание, штаб и совещание у Мезенцева. И во все три раза мне нужен ответ, почему дом встал. Ты готова его написать?

– Готова.

– В письменном виде, – уточнил Токарев. – С подписью и номером. Знаешь, почему? Потому что когда у дома два поедет сдача, письмо будет не у тебя, а в деле. И в деле будет написано, кто встал.

– Хорошо, – сказала Вера и встала.

– Записку принимаю, – сказал Токарев ей в спину, – но не подписываю. Мне не нужен документ, где я в два дня поднял дом и уронил.

Уже в дверях она услышала, как Жбанов сказал:

– Вот из-за таких потом бетон в колоннах двести лет стоит, а дом не сдают.

***

Служебную записку она написала в половине десятого, без черновика, потому что думала над ней все выходные.

«Начальнику участка Токареву И. А. от инженера ПТО Моховой В. С. Служебная записка № 41 от 11.08.2008 г. Прошу не допускать укладки бетонной смеси в конструкции колонн третьей захватки девятого этажа дома № 2 до освидетельствования скрытых работ по армированию. Основания: 1. Акт освидетельствования скрытых работ по армированию второй и третьей захваток в ПТО не сдан. 2. В журнале бетонных работ имеется запись за 8.08.2008, изменяющая проектное решение (армирование с шагом 200 мм вместо предусмотренного проектом 04-08-АС шага 100 мм). 3. Указанная запись выполнена иным лицом после 14 часов 5 минут 8 августа, о чём мною составлено замечание к описи приёма журнала. Прошу также до укладки произвести контрольный отбор образцов бетонной смеси и предъявить паспорт качества завода-изготовителя. Инженер ПТО Мохова В. С. 11.08.2008».

Записку она отнесла Токареву в кабинет, Токарев прочитал её стоя, вернул и сказал:

– Подписи не будет, номера не будет, потому что я эту бумагу не принимаю.

– Она уже принята, – сказала Вера. – Я записала её в исходящий журнал ПТО в девять сорок, под номером сорок один. Исходящую корреспонденцию веду я, а не вы.

Токарев посмотрел на неё довольно долго.

– Ты понимаешь, – сказал он наконец, – что ты только что завела себе в бумагах дату?

– Да, – сказала Вера. – У вас она тоже теперь есть.

***

Ровно в девять пятьдесят пять принесли журнал сварочных работ на подпись, а вместе с ним — папку документов на приёмку журналов, которую Вера готовила с пятницы. Это и был её ход, и ход был тихий.

Журналы по объекту сдаются в архив треста в конце месяца. В конце месяца их сдаёт кто угодно: техник, кладовщик, водитель — лишь бы довёз. Вера решила сдать сегодня, потому что в сегодняшнем журнале было то, чего в нём не будет в конце месяца.

Она подняла опись: «Акт приёма-передачи журналов работ по объекту „Полевой“, дом № 2». Четыре журнала: бетонных работ — два, сварочных — один, монтажных — один, все — с указанием количества листов и состояния. И одна строка в графе «особые отметки»:

«Журнал бетонных работ № 2-Б, лист 84 (запись за 08.08.2008): запись выполнена почерком, отличным от почерка предыдущих записей; чернила и нажим отличаются; наличествуют признаки более позднего внесения. Запись содержит изменение проектного решения. Оригинал сдан по описи, копия листа 84 — в дело 3-9».

Вера отнесла акт Токареву вместе с журналами, чтобы он подписал приёмку. Токарев был уже в каске, с телефоном в руке, у него звонил завод по бетону, и он подписал, не читая, — просто поставил подпись в трёх местах, где она показала, и пошёл к выходу, и на ходу сказал:

– Вот правильно. Учись: бумага должна работать, пока ты идёшь.

– Она работает, – сказала Вера вслед.

***

В час двадцать пришла первая машина.

Вера вышла к ней с журналом входного контроля и с термометром. Журнал входного контроля бетонной смеси она вела сама, и вёл его ПТО, и это была не формальность: графы «класс бетона», «осадка конуса», «температура смеси», «решение о приёмке», «подпись» — это был тот единственный документ на площадке, где бетон существовал не как кубометры, а как смесь.

Миксер встал у насоса и поднял кузов. Вера подошла к водителю и попросила паспорт качества.

Водитель, немолодой, в майке, посмотрел на неё, потом на Жбанова, который уже шёл к машине, и всё-таки паспорт подал.

В паспорте было напечатано: ООО «Бетон-Плюс», завод номер два, смесь тяжёлая бетонная, паспорт № 2147 от 11.08.2008, класс бетона по прочности на сжатие В22,5, марка по морозостойкости F100, подвижность П2, объём шесть кубических метров, дата изготовления 11.08.2008, время 12:10.

На площадке, в проекте 04-08-АС, в колоннах девятого этажа стояло В30, F150, W6 и П3, и это была разница не в буквах.

– Жбанов, – сказала Вера. – Здесь В22,5 и подвижность П2.

– Это заводская марка по старому обозначению, – сказал Жбанов, не останавливаясь. – Тебе лаборатория скажет класс в проектном возрасте. Пропусти машину, она в графике.

– В проекте В30. По паспорту В22,5. Я не могу записать в журнал входного контроля, что приняла смесь проектного класса.

– Пиши что хочешь, – сказал Жбанов. – Только потом объяснишь заводу, почему у них состав не тот. Мохова, отойди от машины.

Она отошла на шаг и увидела то, чего не увидела бы из окна: шланг.

Из соседней машины, которая стояла второй в очереди, водитель опустил шланг в горловину и пустил воду — просто, буднично, как моют руки. Вода шла в бетон. Вера стояла и смотрела, как она идёт, и в голове у неё очень быстро сложилась арифметика, которую на площадке знает каждый, а в проектных кабинетах не знает никто: лишние десять литров воды на куб — минус прочность, лишние двадцать — минус класс, и никто из тех, кто сегодня подпишет бумаги, этого не увидит никогда, а увидит тот, кто будет через двадцать лет менять в этом доме окно и найдёт в колонне трещину.

Она вернулась в ПТО, села и написала в журнал входного контроля:

«11.08.2008, 13:20–14:50. Смесь бетонная тяжёлая, поставщик ООО „Бетон-Плюс“, паспорта № 2147–2155. Класс по паспорту В22,5 (по проекту 04-08-АС — В30). Осадка конуса фактически 19–20 см (по проекту П3, 16–18 см). К укладке в конструкции колонн третьей захватки 9 этажа дома № 2 НЕ ПРИНЯТА по причине несоответствия проекту. Отобраны контрольные образцы: три серии по три кубика 10х10х10, маркировка 9-2/3-1, 9-2/3-2, 9-2/3-3, отбор в присутствии прораба Жбанова Н. Т. Инженер ПТО Мохова В. С.».

Потом она позвонила в лабораторию и сказала Инге Лапиной:

– Инга, я к тебе сегодня привезу девять кубиков и три паспорта. Мне нужно, чтобы ты их приняла по накладной и поставила дату приёма.

– Ты их сама подписала? — спросила Инга.

– Сама.

– Тогда привози, – сказала лаборантка. – Я вообще-то не имею права брать у вас на хранение, но у вас всё равно ничего не останется, если вы не привезёте.

***

Бетон шёл до половины третьего.

Вера смотрела на это из окна ПТО: жёлтая стрела, бадья, которая ходит вверх и вниз, как поршень, люди в брезентовых штанах, из-под которых торчали пятки, полиэтилен на перекрытии, который ветер поднимал и опускал, и бетон, который ложился в колонны девятого этажа — туда, где армирование стояло с шагом двести и ни одним актом не было принято.

В два часа она перезвонила на завод и спросила, есть ли у них состав на В30 с подвижностью П3. Ей ответили, что состав есть, но заявка от «Горстроймонтажа» была на В22,5 с П2, и что с такой заявкой они и в прошлый раз привезли то же самое, и в позапрошлый.

«В прошлый раз» — это было пятое августа, первая захватка. Значит, девятый этаж собран из этого бетона весь.

В четверть третьего в контору зашёл Жбанов, в каске, потный, с журналом под мышкой — с тем самым, который она утром сдала по описи и потом отдала прорабу, потому что журнал должен быть у того, кто ведёт запись, а запись с сегодняшнего дня ведёт он.

– Мохова, – сказал он. – Ты журнал не заполняешь, я заполняю. За восьмое там всё есть, я допишу за одиннадцатое.

Он положил журнал на её стол, потому что другой свободной поверхности в конторе не было, сел напротив, открыл на листе восемьдесят четыре, посмотрел на запись за восьмое августа — ту самую, с «шагом двести» и «отступлений не имеется», — и стал писать.

Вера сидела напротив и смотрела на его руку.

Правая. Прямо, без наклона. Ручка в кулаке, как молоток. Нажим такой, что бумага продавливалась до следующего листа. Цифра «1» с крючком сверху. «Д» с петлёй. Строчки до самого края графы, потому что у него не было привычки оставлять место.

Он дописал, поставил точку, подул на страницу и закрыл журнал.

– В30, пятьдесят два куба, – сказал он. – Всё по проекту. Вот так и надо писать, Мохова.

Вера не сказала ничего. Она взяла журнал, который он ей оставил, — потому что он всегда оставлял журнал на столе у ПТО, чтобы у ПТО был доступ, — открыла его на записи за одиннадцатое августа и прочитала: «11.08.2008. Первая смена. Погода ясно. Температура на 8.00 +24. Армирование и бетонирование колонн 2-й и 3-й захваток 9 этажа выполнено по рабочей документации 04-08-АС. Шаг двести. Класс бетона В30. Объём 52,4 м. куб. Отступлений от проекта не имеется. Производитель работ Жбанов Н. Т.».

Потом она положила рядом страницу за восьмое августа.

Две записи, написанные с разницей в три дня, стояли на соседних листах одним и тем же почерком: один и тот же нажим, один и тот же крючок у единицы, одно и то же слово, которого не говорил Басов, и та же самая температура, снятая с радио, а не со столба у бытовки.

Одна рука. Восьмое августа и одиннадцатое. А между ними — пятница, два часа пять минут и человек, который падал с девятого этажа в проём лестничной клетки, где не было ограждения.

Вера включила копир. Он, как всегда, сжевал первый лист, второй прошёл, и дальше пошло. Она сняла копии четырёх страниц: восемьдесят четвёртый лист, восемьдесят пятый — сегодняшний, — паспорт качества номер 2147 и свою запись в журнале входного контроля, ещё тёплую.

Потом она вложила копии в дело 3-9, в самый конец, и заперла папку в сейф, потому что сейф в ПТО был один, и в нём лежало то, что дороже бетона.

***

Вечером, уже в сумерках, она вышла с площадки вместе со второй сменой. На девятом этаже дома номер два горела одна лампа, и в её свете было видно, как блестит свежая опалубка: бетон схватывался, набирал прочность, и всё, что в него сегодня уложили и что под ним стояло, становилось неотличимым от того, что уложили по проекту.

Возле ворот её догнал Штырь.

– Мохова, – сказал он, – у меня к тебе дело. Ты в пятницу спрашивала про пояс, а я потом смену сдал и думал.

– И?

– Я тебе ничего не говорил, – сказал Штырь, – ты сама догадалась. Но ты вот что запомни: у меня в журнале пропусков пятница есть. Все заходы и все выходы, по времени. И пятница у меня — целая.

Он повернулся и пошёл в будку.

Вера постояла на дороге, держа в руке папку с копиями, и посчитала про себя, что у неё есть к вечеру этого дня: запись в журнале входного контроля, девять кубиков в лаборатории, служебная записка под номером сорок один и два листа журнала бетонных работ, написанных одной и той же рукой. Всё это — против человека, который сейчас складывает каску в шкафчик и говорит рабочим, что завтра они идут на третий дом, и против одной строки, которую она пока не сказала никому: «шаг двести» писал тот, кто сегодня эту строку повторил под свежим бетоном.

Бетон запоминает всё, люди — нет. Вера впервые поняла, что это была не поговорка, а инструкция: всё, что бетон запомнит, придётся потом предъявлять бумагой, потому что больше нечем.

Глава 4. Акт скрытых работ

Акт лежал в папке 3-9 третьим листом от конца, и Вера знала это наизусть, потому что подшивала его сама — в пятницу вечером, когда Жбанов положил его ей на стол и сказал: «Подшей, всё подписано».

В понедельник, после бетонирования, она осталась в конторе до половины восьмого и выложила акт на стол. Вокруг него легли четыре документа, и все четыре она держала в руках за последние пять дней: журнал учёта средств индивидуальной защиты с записью от пятого августа, листы журнала бетонных работ, проект 04-08-АС и свой, ПТО-шный, реестр актов освидетельствования скрытых работ.

Акт был отпечатан на листе А4, бланк типографский, графы заполнены на принтере — тем самым, в конторе, который жевал первый лист. Шапка: «Акт освидетельствования скрытых работ № 34 от 8 августа 2008 года». Объект: жилой дом № 2, девятый этаж, вторая захватка. Работы: «армирование колонн второй захватки девятого этажа, 12 стержней Ø18 А500С, шаг 100 мм». Приложения: «1. Исполнительная схема узлов армирования. 2. Паспорта на арматуру партий 4402, 4409, 4415. 3. Протокол лабораторных испытаний». Ниже, печатным: «Претензий по качеству нет». И четыре подписи.

Вера положила рядом журнал учёта средств индивидуальной защиты и открыла на пятом августа.

Запись была сделана инженером по охране труда из треста, а под ней стояла подпись, которую она видела сотни раз и всегда с одной и той же мыслью: как человек, который двадцать восемь лет подписывал ведомости, умудряется расписываться так мелко. Круглые буковки с петлёй у «б», хвостики вниз, «Б» с двумя нажимами, и весь автограф занимал меньше половины отведённой графы. Басов говорил про это: «Мою подпись ни один эксперт не подделает, потому что у меня, кроме меня, никого нет». Он это говорил, как шутку.

В акте его подпись занимала всю графу до края, шла прямо, без наклона, была написана синей шариковой ручкой и продавила бумагу так, что на обороте читалась на ощупь.

Три вещи, которые Вера могла сказать про любую подпись на площадке, она знала точно. Первое: у Басова не было синих ручек. У него в кармане ватника лежали три чёрные гелевые, и когда она в мае попросила у него ручку, чтобы подписать наряд, он сказал: «Синяя — это чернила канцелярии, чёрная — это моя». Второе: у Басова не было ровного почерка. Он писал левша, мелко и кругло, и всегда смазывал ладонью то, что только что написал. В третьем документе за август — в журнале бетонных работ, в его собственных записях — на каждой странице были следы его ладони. В акте следов не было.

Третье она проверила отдельно, потому что это было самое простое и самое неудобное: подпись Басова стояла в графе «производитель работ», и под ней печатными буквами было добавлено: «мастер участка Басов П. И.».

В папке 3-9 лежал приказ номер 118 от четырнадцатого мая: производителем работ по дому номер два назначен прораб Жбанов Николай Тимофеевич, а мастер Басов — лицом, ответственным за организацию работ на захватке и за охрану труда. Этих двух строк хватало, чтобы понять, что графу заполнял человек, который не читал приказ, а помнил, как это делается «вообще».

***

Она налила себе чаю и стала считать, потому что цифры успокаивают лучше всякого чая.

По проекту 04-08-АС в колоннах девятого этажа стояло двенадцать стержней Ø18 А500С, шаг сто, класс бетона В30. Вторая захватка дома номер два — девять колонн. Объём бетона в колоннах одной захватки по её собственной сводке, которую она делала в июле для месячного отчёта, — двадцать шесть и две десятых кубометра.

В акте в графе «объём работ» стояло «52,4 м^3».

Двадцать шесть и две десятых — это одна захватка. Пятьдесят два и четыре — это две. Она сложила столбик по своей сводке три раза и три раза получила одно и то же: в акт по армированию второй захватки вписан объём второй и третьей.

И самое неприятное было даже не в цифре, а в том, где эта цифра стояла второй раз. Вера достала копию восемьдесят четвёртого листа журнала бетонных работ — того листа, который десять дней назад писал не Басов, — и там, в записи за восьмое августа, тем же почерком и с тем же нажимом стояло: «Объём 52,4 м. куб.».

Одна цифра в двух документах. В акте и в журнале. Ни в проекте, ни в её июльской сводке, ни в заявке на бетон — заявка была на пятьдесят четыре куба, и была она на третью захватку, — такой цифры не было. Её кто-то взял и посчитал один раз, а потом поставил в два места: в акт, который должен лежать в папке, и в журнал, который должен лежать на стройке.

Она перевернула лист и посмотрела на ссылку: «в соответствии с проектом 04-08-АС, лист 12».

Проект лежал у неё в папке, сшитый в два тома, и она знала его, наверное, лучше, чем его автор. Лист двенадцатый — это опалубочный чертёж колонн пятого этажа. Девятый этаж начинался с листа тридцать седьмого. В акте стоял лист, которого к этим колоннам не было.

Дальше она открыла реестр.

Реестр актов освидетельствования скрытых работ по объекту она вела с апреля, обычная тетрадь в клетку, по строке на акт: номер, дата, наименование работ, кому выдан. Последний номер в реестре был тридцать третий — акт по устройству гидроизоляции стен подвала третьего дома, шестое августа. Акт номер тридцать четыре не был вписан.

Это значило ровно одно, и Вера просидела над этим минут двадцать, потому что значение было неприятное: акт освидетельствования скрытых работ, у которого нет записи в реестре ПТО, — это не документ. Это бумага, у которой есть номер, но нет места. Такую бумагу можно предъявить любому проверяющему: он посмотрит на номер, на подписи, на печать — и не пойдёт в реестр. Но если он пойдёт в реестр, выяснится, что акта не было, а был лист, напечатанный на её же принтере.

Потом она нашла пятое, и оно было хуже первых четырёх.

Акт, как всякий акт, ссылался на приложения. Исполнительная схема узлов армирования, паспорта на арматуру партий 4402, 4409 и 4415, протокол лабораторных испытаний. Все эти документы, если они существуют, должны лежать в том же деле 3-9, сшитые за актом. Вера вытряхнула папку на стол и перебрала её всю, лист за листом: съёмки, протоколы, сертификаты, акты за апрель, май, июнь, июль. Исполнительной схемы узлов армирования девятого этажа в деле не было. Паспортов на арматуру не было. Протокола лабораторных испытаний по бетону девятого этажа не было ни одного.

Все три приложения существовали как три строки в акте. Как документы они не существовали вовсе.

Вера взяла чистый лист и написала сверху: «Акт № 34 от 8.08.2008 г. по армированию второй захватки 9 этажа дома № 2. Разбор по документам, находящимся в ПТО». И пять пунктов, потому что она умела считать только по пунктам: подпись; ручка и след ладони; графа «производитель работ»; объём; ссылка на лист; и отдельно — приложения, которых нет. Пунктов получилось шесть, и она не стала их сливать, потому что шесть пунктов можно проверить, а один абзац — нельзя.

Потом она заперла акт в сейф, а лист с разбором положила в отдельную папку, ту, которую на площадке не знал никто, потому что она называлась «Отчёты по объёмам за июль» и больше никого не интересовала.

***

Во вторник в девять сорок Жбанов пришёл в ПТО сам.

Он пришёл не как вчера — не потный, из-под насоса, а свежий, в чистой рубашке, с папкой, и это означало, что он едет к заказчику, а к заказчику едут с бумагой. В конторе была техник ПТО Люба, которая готовила отчёт по объёмам, и Вера не стала её выгонять: она давно поняла, что в её работе свидетелем становится тот, кто оказался рядом, а не тот, кого позвали.

– Мохова, – сказал Жбанов. – Дай мне экземпляр акта по второй захватке. Заказчик просит, у них сдача в двадцатых.

– В деле один экземпляр, – сказала Вера. – Я дам копию.

– Давай копию.

Она сняла копию, отдала и, пока он складывал лист в папку, спросила:

– Николай Тимофеевич, а когда подпись Басова ставилась?

– В пятницу, – сказал Жбанов не задумываясь. – После обеда.

– После обеда — это во сколько?

– Часов в три, – сказал он.

И остановился. Не руками — руками он продолжал складывать лист, – а голосом: сказал «часов в три» и не добавил ничего, и в этой пустой секунде Вера услышала всё, что ей было нужно, потому что в три часа дня восьмого августа Басов лежал под брезентом у ворот, и скорая уехала, и двое рабочих мыли кровь с бетона водой из шланга.

Люба перестала стучать по клавишам. За окном завёлся и заглох кран.

– То есть, – сказала Вера, – вы говорите, что Пётр Ильич подписал акт в три часа дня восьмого августа.

– Я говорю, что он подписал сам, – сказал Жбанов ровно. – Чего вы от меня хотите, Мохова? Я вам объясню. Он мне сказал: «Коль, давай бумаги, я подпишу». Он подписал. Я отнёс Сперанскому, Сперанский подписал. Всё. Пять минут. Не запоминал я часов, у меня был день, у меня человек с девятого этажа упал. Может, в двенадцать, может, в три.

– Я хочу, чтобы вы написали объяснение, – сказала Вера. – Одна страница. Как было. И поставили дату и подпись.

– Не буду, – сказал Жбанов и наконец посмотрел на неё прямо, впервые за их разговор без папки в глазах. – Я тебе не следователь. Хочешь объяснение — иди в райотдел и проси. А я тебе вот что скажу, по-человечески. Ты в этом акте тоже есть. Третья подпись — твоя. Ты его в четверг у меня приняла? Приняла. Подшила? Подшила. Сдала в папку? Сдала. И вот когда начнут разбираться, что там не то, у тебя будет выбор: или акт правильный и подпись его, или акт неправильный и подписал его ты, потому что третья подпись — твоя.

– Я его в четверг отдала без подписей, – сказала Вера.

– Докажи, – сказал Жбанов.

Он ушёл. Вера взяла чистый лист и написала: «Служебная записка № 42 от 12.08.2008 г. Прошу считать, что 12 августа 2008 года в 9 часов 40 минут в присутствии техника ПТО Ерохиной Л. А. производитель работ Жбанов Н. Т. устно подтвердил, что подпись от имени мастера участка Басова П. И. в акте освидетельствования скрытых работ № 34 от 8 августа 2008 года выполнена в пятницу 8 августа во второй половине дня, предположительно в 15 часов. На её уточняющий вопрос, каким образом подпись могла быть выполнена после 14 часов 5 минут — времени падения мастера Басова с девятого этажа, — внятного ответа не дано. Объяснение в письменной форме давать отказался. Инженер ПТО Мохова В. С.»

***

В четверть одиннадцатого она пошла к воротам — не за журналом посещений, а просто пошла, потому что иногда надо идти, а не звонить.

Штырь сидел в будке со своим телевизором и с журналом, в котором писал синими чернилами. Журнал посещений объекта — обычная книга в чёрной клеёнке, три графы: кто, прибыл, убыл; внизу подпись охранника за смену.

– Можно посмотреть за восьмое? – спросила Вера.

– Смотри, – сказал Штырь и не оторвался от экрана. – Только не уноси. И не фотографируй — не знаю, есть у тебя чем или нет, у меня тут нет ничего.

Она посмотрела и выписала себе на ладонь две строки, чтобы не забыть, а потом всё равно переписала в блокнот, потому что цифры на ладони стираются первыми.

Восьмое августа: «Технадзор заказчика Сперанский Ю. В. — прибыл 11 ч. 35 м., убыл 13 ч. 50 м.».

Восьмое августа: «Прораб Жбанов Н. Т. — прибыл 7 ч. 20 м., убыл 19 ч. 40 м.».

Вера постояла у будки и посчитала в уме то, что меньше всего на свете похоже на арифметику.

Сперанский уехал в тринадцать пятьдесят. Значит, к этому времени акт у него уже был, и он его подписал, потому что Сперанский — из тех, кто подписывает, пока машина стоит, и во второй раз не приезжает. А подпись Басова, по словам Жбанова, поставлена «часов в три».

Одно из двух. Или технадзор заказчика подписал акт, в котором подрядчик не подписал ничего, — то есть подписал пустой бланк на капоте. Или подпись мастера появилась в документе, который уже лежал подписанным. Оба варианта означали одно и то же, только разными словами, и Вера записала это в блокнот, чтобы не привыкнуть к мысли: акт по второй захватке подписывали не по порядку, а по надобности.

Люба, не поднимая глаз от клавиатуры, сказала:

– Вера Сергеевна, а если меня спросят, я что должна говорить?

– Что было, – сказала Вера. – Что он сказал «часов в три» и что ты это слышала. Люба, я тебя не прошу больше ничего.

– Я и не смогу больше, – сказала Люба. – Я в декрет в декабре.

***

В полдень на объект приехала Ольга.

Вера увидела её из окна: женщина в светлой кофте стояла у ворот, держала сумку и разговаривала со Штырём, и Штырь впервые за всё время показал куда-то рукой не в сторону конторы, а в сторону бытовки мастера. Вера вышла.

– Я за вещами, – сказала Ольга и посмотрела на неё так же, как в воскресенье в прихожей: тяжело и внимательно. – Мне сказали, можно забрать.

– Можно, – сказала Вера. – Пойдёмте, я открою.

Бытовка Басова была три на четыре, с окном, закрашенным снизу до половины, потому что из него дуло. Внутри стоял стол, табурет, шкафчик с двумя полками, на гвозде висел ватник, а на столе лежал пояс — серый, выцветший, с карабином на бедре. Вера сняла его с гвоздя в пятницу и так и не повесила обратно.

Ольга остановилась на пороге.

– Пусть лежит, – сказала она. – Я его не возьму. Я его в руки не возьму, вы не думайте, что я боюсь. Просто если я его принесу домой, сын спросит: а что это. Я не знаю, что ответить.

Она достала из шкафчика чайник, кружку с отбитой ручкой, две рубашки, бритву в футляре, линейку, полотенце, жестяную банку с чаем, и всё это складывала в сумку не как в сумку, а как в ящик, — ровно, углами. Ватник она сняла с гвоздя и подержала в руках.

– В кармане фал, – сказала Вера. – Я его достала. Он у меня.

– Оставьте себе, – сказала Ольга. – Мама умерла восемь лет назад, мне тридцать один, у меня ребёнок. Куда я фал.

Она опустила ватник в сумку, подумала и вытащила обратно, свернула и положила на стол.

– Пусть тут останется. Здесь хотя бы место его.

Вера стояла и смотрела, как дочь мастера разбирает его бытовку, и в голове у неё было то, о чём она думала с пятницы и никак не могла решить: просить или не просить. Просить

было нельзя, потому что человек хоронил отца. Не просить было нельзя, потому что больше просить будет не у кого.

– Ольга Петровна, – сказала она наконец. – Мне нужна ваша помощь. Не сейчас, а вообще.

– Ну.

– Ваш отец расписывался дома? Есть что-нибудь, где стоит его подпись — не на работе, а вообще: квитанции, заявление, что-нибудь с датой?

Ольга посмотрела на неё и села на табурет, чего Вера от неё не ожидала: она думала, дочь мастера будет стоять до конца, как стояла в прихожей.

– Есть, – сказала она. – Я в феврале помогала ему с соцзащитой, он в марте подписывал заявление. Я бумаги не выкидываю, у меня всё в папке лежит. Дома. А что вы хотите?

– Я хочу, чтобы кто-то, кроме меня, сказал, что подпись в этой бумаге — не его, – сказала Вера и достала из папки копию акта. – Вот. Посмотрите. Только честно, Ольга Петровна. Если это он — скажите «он».

Ольга взяла лист обеими руками и держала его долго, минуты две, и Вера слышала, как за стеной бытовки кто-то из арматурщиков бьёт молотком по железу, ровно, как метроном.

– Нет, – сказала Ольга. – Это не он.

– Почему?

– Он писал мелко, – сказала Ольга. – Он мне письма писал мелко, как бухгалтер, и «б» у него была с петлёй, я в детстве смеялась, что у него буквы как у кошки хвостики. А это, – она показала ногтем на подпись, – это кто-то другой. И, – она прищурилась, – знаете, что ещё? Он никогда не писал «Басов П. И.». Он писал «П. Басов». Всегда. Всю жизнь. Он говорил: «Ильич — это отчество, его в бумагах не пишут».

Они посидели в бытовке ещё минут десять. Вера рассказала ей про акт всё, что знала сама, без версий и без «я думаю»: про объём, про лист двенадцатый, про реестр, в котором нет номера тридцать четыре, и про приложения, которых нет в деле. Ольга слушала, не перебивая, и один раз кивнула.

– Я вам напишу, – сказала она. – Объяснение. Как я узнала, что он мне звонил, и что он говорил, и что подпись не его. Только я напишу от руки и привезу, потому что я не умею печатать, а если я напечатаю, то это уже будет ваша бумага, а не моя.

– Привезите, – сказала Вера. – И ещё одна просьба. Если вам позвонят из треста или из милиции и спросят про отца — не подписывайте ничего, кроме того, что напишете сами. И не соглашайтесь на «мы всё оформим, вам только расписаться». Никогда.

– А так бывает?

– Так делают всегда, – сказала Вера.

***

В двенадцать она позвонила в лабораторию.

– Инга, это Мохова. Один вопрос, короткий. У тебя есть протокол лабораторных испытаний по бетону девятого этажа дома номер два?

– Какого числа?

– Любой.

Инга помолчала, и в трубке было слышно, как она что-то переставляет на столе — она всегда что-то переставляла, разговаривая по телефону.

– Ни одного нет, – сказала она. – Я тебе говорю заранее и официально, чтобы ты потом не думала, что я их спрятала. По вашему девятому этажу протоколов я не оформляла. Образцы я у вас брала, но протоколов нет.

– Почему?

– Потому что протокол — это когда серия полная, – сказала Инга. – А когда из серии не хватает кубика, протокол не пишут, кубик допишут. Я вам это не говорила.

Она положила трубку раньше, чем Вера успела спросить про кубик.

Потом Вера позвонила в сметный отдел, а точнее, туда, где всегда отвечает только Нонна Павловна и всегда знает, кто звонит, хотя телефона с определителем ни у кого в конторе не было.

– Нонна Павловна, это Мохова. Скажите, сколько денег в пятидесяти двух и четырёх десятых кубометрах бетона в колоннах?

– В девять этажей? – уточнила сметчица. – Сто восемьдесят шесть тысяч, если по расценке третьего квартала, и сто девяносто четыре, если по кварталу четвёртому, потому что с четвёртого у нас индексы. Ты зачем объём считаешь?

– Так получилось.

– Не считай ты объём, – сказала Нонна Павловна спокойно, как советуют менять масло. – Объём потом любой инженер пересчитает, и пересчитает правильно. Ты цену подписи считай. У подписи цена другая, и она не в смете.

***

Ольга ушла в половине второго, с сумкой, в которой лежали чайник, две рубашки, бритва и линейка. Ватник остался лежать на столе, а рядом с ним — пояс с карабином, и бытовка стала похожа на комнату, из которой вышел человек, а не на комнату, в которой что-то случилось.

***

Вечером Вера пошла на почту.

Она пришла в самое неудобное время, когда все получают пенсию, и отстояла очередь сорок минут, держа в руке конверт, в котором лежали шесть копий: обе стороны акта номер тридцать четыре, лист восемьдесят четыре журнала бетонных работ с записью за восьмое августа, листы восемьдесят пять и восемьдесят шесть — с записями за одиннадцатое, — паспорт качества бетонной смеси номер 2147 и страница журнала входного контроля с её вчерашней записью.

Она отправила это заказным письмом на свой адрес, на съёмную квартиру на Заводской, и в описи написала названия всех шести документов, по строчке на каждый.

Девушка в окошке спросила обычное:

– Что там, документы?

– Документы.

– С уведомлением будете брать?

– Буду, – сказала Вера.

Она вышла на улицу с квитанцией в руке, и квитанция была маленькая — тонкий кассовый листок с номером отправления, датой, временем и суммой. Тридцать два рубля.

Вера шла к остановке и держала этот листок, как держат что-то хрупкое, и думала о том, что теперь у акта номер тридцать четыре есть две даты. Первая — восьмое августа, поставленная рукой, которую никто не видел за работой. И вторая — двенадцатое августа, поставленная не человеком, а кассовым аппаратом на почте, и эту дату нельзя ни уговорить, ни переставить, ни подписать задним числом, потому что у неё нет автора. У неё есть только время.

Бумага работает, пока ты идёшь. Токарев, когда говорил это, имел в виду совсем другое: он имел в виду, что бумага должна работать на сроки. Вера теперь знала, что это работает и в обратную сторону, и что самое сильное, что бывает в деле, — это пачка копий, отправленная почтой, потому что почта, в отличие от стройки, никогда никого не жалеет.

Глава 5. Табель

С почты Вера вернулась в контору в десять минут восьмого, потому что машина стояла у конторы, а не у дома, и потому что ехать на Заводскую означало признать, что рабочий день кончился.

Люба уже ушла и оставила на столе записку, придавленную степлером:

«Вера Сергеевна! Из бухгалтерии вернули табели за июль по дому 2. Просят к 14-му, там что-то не сходится по часам. Я смотреть не стала, у меня отчёт. Люба. P. S. Папку положила у вас на столе, не в шкаф, чтобы вы сразу увидели».

Папка была толстая, картонная, с завязками, и на ней синим фломастером — Любиным, круглым — было написано: «Табели учёта рабочего времени. Дом № 2. Май — август 2008 г.».

Вера села и сняла завязки.

Она полезла в эту папку не за часами. Ей нужны были фамилии.

До сих пор у неё в деле были только документы: журнал бетонных работ, акт, записка, квитанция с почты. Документы показывали, что подпись под актом поставил не тот человек и что в журнале стоит объём двух захваток вместо одной. Документы не показывали ничего про то, кто вязал арматуру в колоннах второй захватки в те четыре дня, когда она была там и слышала, как внизу стучат по железу. А ей нужен был человек. Не для суда — суд ещё будет или не будет, — а для того, чтобы однажды в кабинете, при ком-то, кто-то, кроме неё, сказал вслух: «мы ставили четырнадцать, потому что восемнадцатого не было на складе, и мы говорили мастеру, и он говорил, что так нельзя».

Поэтому она открыла табель за июль и стала искать бригаду.

***

Табель учёта рабочего времени — это лист, который на площадке не любит никто.

Сверху шапка: организация, объект, месяц, год. Слева колонка табельных номеров, потом фамилия с инициалами — или с полным именем и отчеством, если кадры составляли список не спеша, — потом профессия и разряд. Дальше тридцать одна клетка: дни месяца, в которых стоит либо буква, либо ничего. «Я» — явка, «В» — выходной, «Б» — больничный, «О» — отпуск, «П» — прогул, «К» — командировка. Итоги: сколько дней, сколько часов. Внизу три подписи: составил, проверил, утвердил.

За июль по дому номер два в табеле стояло двадцать две фамилии.

Вера прочитала список сверху донизу, потом снизу до верху, потом взяла карандаш и стала ставить галочки напротив тех, кому могла поставить лицо.

Копылов Сергей Николаевич, электросварщик, — этот ей сам в пятницу рассказывал, как варил восемь часов на пятом. Сизов Виктор Петрович, бетонщик, — его все звали Витя, он всегда первым залезал на захватку. Усманов Ринат, арматурщик, — тот, что в июне привёз ей из города банку краски, потому что её краска кончилась, а красить маркировку надо было в тот же день. Гринько Валентина Ивановна, машинист башенного крана. Дятлова Клавдия Петровна, кладовщик. Ещё четверо: арматурщик, два бетонщика и женщина-подсобница, которая подметала бетон на перекрытиях и всегда здоровалась первой.

Девять человек. Из двадцати двух.

Остальные тринадцать фамилий были написаны так, как пишут в кадрах, а не на площадке: фамилия, полное имя, полное отчество. Арматурщик третьего разряда Дьячков Алексей Иванович. Бетонщик второго разряда Ковалёв Николай Степанович. Подсобный рабочий Мальцева Татьяна Андреевна. Подсобный рабочий Абрамов Пётр Петрович. И так далее — тринадцать строчек, из которых Вера не знала ни одной.

Она отложила карандаш и стала смотреть на клетки.

И вот тут в табеле стало видно то, ради чего в него вообще смотрят, — потому что часы в табеле нельзя подделать так же, как подпись, часы надо рисовать клетка за клеткой, а рисовать долго.

У девяти знакомых часов было не поровну. Копылов в июле работал семь с половиной в один день, одиннадцать в другой и четыре в день, когда ломался аппарат. У Усманова стояло два «Б» — он был на больничном с четырнадцатого по пятнадцатое, Вера это помнила, потому что из-за него сдвинулось армирование третьей захватки. У Сизова стояло два «П» — прогула, из-за которых Жбанов орал на всю планёрку. У Гринько по пятницам стояло «Я» на четыре часа, потому что по пятницам она уходила за внуком в садик, и это было оформлено приказом.

У тринадцати незнакомых стояло ровно восемь часов каждый рабочий день. Двадцать три рабочих дня в июле. Двадцать три раза по восемь. Ни выходных в неурочное время, ни больничного, ни отгула, ни прогула, ни сокращённого дня перед праздником.

Вера знала, как выглядит табель живого человека, потому что рисовала их четыре года. Живой человек неровный. У живого человека в июле обязательно есть день, когда он ушёл в два, потому что бетон в жару не льют, и день, когда он остался до девяти, потому что не успели, и день, когда он не пришёл, потому что у него заболел ребёнок. Ровные часы бывают у одного человека в одном месяце, если ему очень повезло. Двадцать три раза по восемь у тринадцати человек подряд не бывает никогда, потому что так не бывает жизни.

Она взяла линейку и проверила номера.

У знакомых номера были из первой сотни и из второй: 94, 118, 137, 206, 211. У тринадцати незнакомых — 401, 402, 403 и так далее до 422, и это была ровная серия без пропусков, кроме одного. Номер 412 стоял дважды: у Дьячкова Алексея Ивановича и у Дьяченко Анатолия Николаевича.

Вера посмотрела на эту клетку долго. Она представила, как это делалось: человек сидит вечером с листом, на котором уже написано тринадцать фамилий, и ставит номера по порядку, потому что так быстрее, и на двенадцатой строчке сбивается, и ставит тот же номер второй раз, и не проверяет, потому что проверять — это значит перечитывать то, что уже написано, а зачем.

Дальше были даты приёма. У тринадцати стояло одно и то же: первое июля. Ни у одного не было увольнения. Зато в августовском табеле, том, что лежал в той же папке и был заполнен уже наполовину, потому что август шёл двенадцатый день, этих тринадцати не было вообще. Ни одной фамилии. Все девять знакомых на месте, все тринадцать незнакомых исчезли, и в августовском табеле стояло ровно девять человек.

Вера откинулась на спинку стула.

Тринадцать человек жили на этой стройке ровно один месяц — июль. В июне их не было, в августе их нет. В июле они были, все тринадцать, и в июле по дому номер два закрывали объёмы.

***

Она открыла журнал учёта средств индивидуальной защиты.

Это была тонкая книга в клеёнчатой обложке, которую в тресте спрашивали на той неделе, что была до этой, и которую Вера с тех пор знала наизусть. Четыре графы: кому, что, когда, подпись. За июль по дому номер два в ней стояло: касок — шесть, сапог резиновых — четыре пары, рукавиц — две пары, фалов страховочных — один, Басову, да и тот пятого августа.

Тринадцать фамилий из табеля не встречались в этом журнале ни разу. За весь год.

Вера понимала про это всё, что нужно понимать, потому что она сама выдавала это по бумаге: спецодежда и средства защиты выдаются под подпись и списываются по ведомости. Человек, который приходит на площадку, получает каску в первый день, потому что без каски его не пустит охрана, а охрана — это Штырь, а Штырь без каски не пустит ни заказчика, ни

прокурора. Тринадцать человек не получили ни одной каски. Значит, тринадцать человек на площадку не приходили.

Она взяла калькулятор, который лежал в столе с апреля и которым она пользовалась только для объёмов.

Тринадцать человек. Двадцать три рабочих дня. Восемь часов. Две тысячи триста девяносто два часа.

Потом она открыла вторую часть папки — наряды за июль — и стала складывать по ним, потому что наряд и табель должны сходиться, как две половины одного замка: наряд говорит, сколько работы сделано, табель говорит, сколько людей её делало, и если одно с другим не сходится, значит, в одном из двух документов есть лишние люди или лишние кубы.

По нарядам за июль по дому номер два она насчитала тысячу четыреста девяносто один человеко-час.

В табеле было три тысячи четыреста шестьдесят восемь часов. В нарядах — тысяча четыреста девяносто один. Разница — тысяча девятьсот семьдесят семь часов, за которые надо кому-то заплатить и под которые нет ни одного закрытого наряда.

Вера нашла в наряде расценку и разделила деньги на часы. Получилось девяносто шесть рублей в час.

Тысяча девятьсот семьдесят семь часов по девяносто шесть рублей — это сто девяносто тысяч рублей за один месяц. За июль. По одному дому. За работу, которой на этом доме не было.

И тут же стало понятно, зачем бухгалтерия вернула табель. Часы в нём не сходились с нарядами не потому, что кто-то ошибся в арифметике, а потому, что у этих часов не было работы, а без работы часы не начисляют. Кто-то получил июльскую зарплату по табелю, и в бухгалтерии на этого кого-то не нашлось ни одного наряда, и бухгалтерия сделала то, что делает любая бухгалтерия: принесла папку обратно и попросила её объяснить.

***

Она перевернула июльский табель на последний лист, где стоят подписи.

«Составил — производитель работ». Подпись Жбанова: прямая, широкая, с сильным нажимом, синей шариковой, — та же рука, что в акте и в журнале бетонных работ, только на этот раз она стояла на своём месте, под своим документом, и это была не подделка, а подпись, поставленная добровольно. «Проверил — начальник участка». Подпись Токарева, ровная, как под копирку, у него всегда так. «Утвердил» — пусто. Графа директора не заполнена, и табель всё равно ушёл в бухгалтерию, потому что в бухгалтерии смотрят на часы, а не на пустую графу.

Вера отложила калькулятор и подумала о том, что человек, вписавший тринадцать фамилий, — это ещё половина дела, и не самая важная.

Мёртвые души — это не то, что человек написал. Мёртвые души — это то, что человек прочитал и не вычеркнул.

Табель нельзя подписать, не увидев. Его нельзя принять по телефону, как принимают бетон или акт: в табеле тридцать одна клетка на каждого человека и в каждой клетке часы, а часы — это деньги, которые уйдут из кассы. Любой, кто хоть раз видел, как начисляют зарплату, знает: сначала сверяют наряд с табелем, потому что наряд — это объём, а табель — это люди, и только вместе они дают сумму. Тот, кто проверял этот табель, смотрел на двадцать две фамилии, из которых знал в лицо девять. Он не мог их не пересчитать. И он их не пересчитал.

***

В тумбе под столом, в папке с надписью: «Приказы и распоряжения, 2008 г.», Вера нашла приказ номер сорок семь от первого июля.

Бумага была факсовая, серо-серая, с заломом по краю и с той слабой полосой, которая остаётся на термобумаге, если факс стоит в конторе у окна и его пригревает солнце. В приказе стояло: «Принять с 1 июля 2008 года на объект „Полевой“ (дом № 2) нижепоименованных

работников с испытательным сроком один месяц». И тринадцать фамилий в столбик, с полными именами и отчествами, — ровно те же тринадцать, что стояли в табеле.

Внизу: «Основание: заявления работников». Подпись: директор Мезенцев.

Заявлений в папке не было.

Вера проверила свой входящий журнал — ту тонкую тетрадь, в которой она записывала всё, что приходило в ПТО и что из ПТО уходило, потому что без этого в её работе нельзя было доказать даже то, что она отдала документ. Приказа номер сорок семь в журнале не было. Как не было в нём и акта номер тридцать четыре.

Два документа за один месяц, и оба мимо.

В ПТО всё, что живёт, имеет номер: письмо, акт, заявка, счёт, факс, даже листок с температурой бетона. Номер — это место в деле. То, у чего номера нет, живёт не в деле, а рядом с ним, и достают его оттуда только тогда, когда надо объяснить, откуда взялись люди или деньги.

***

Потом она села и сделала то, что умела лучше всего.

Она взяла лист и составила сверку — длинную, на две страницы, с шапкой: «Сверка часов табеля учёта рабочего времени за июль 2008 года по объекту „Полевой“, дом № 2, с нарядами и журналом учёта средств индивидуальной защиты». И таблицу в шесть граф: номер строки, табельный номер, фамилия, часы по табелю, часы по нарядам, средства защиты (каска, сапоги, рукавицы).

Двадцать две строки. У девяти в графе про спецодежду стояло то, что стояло в журнале: шесть касок, четыре пары сапог, две пары рукавиц, один фал. У тринадцати — три пустые клетки, и в графе «примечание» у всех тринадцати одно и то же слово: «не наблюдался».

Она подписала сверку и поставила дату.

Сверка ничего не доказывает. Сверка показывает, куда смотреть, — и это, если честно, было больше доказательства, потому что смотреть в этом деле было некому.

За три года в ПТО никто ни разу не положил табель и наряд рядом. Ни проверяющий, ни ревизор, ни она сама. Отдельно табель был прекрасен, отдельно наряд был безупречен, а вместе они были преступлением.

***

В двадцать минут девятого она пошла к воротам.

В будке горел телевизор, и Штырь, как всегда, писал в журнал синими чернилами.

– Штырь, – сказала Вера, – а журналы пропусков за июль у тебя?

– У меня, – сказал он. – Только не в будке. Журналы за месяц я сдаю.

– Кому?

– Первого числа сдаю, – сказал Штырь, не отрываясь от экрана. – Прорабу.

– Жбанову?

– А кому ещё. Он же по объекту старший, у него и ключи, и журналы, и вся бумага от охраны. Я человек маленький, у меня что сдал, то и сдал.

– А у тебя копия остаётся?

– Копия, – сказал Штырь с уважением, будто услышал хорошее слово. – Копия, Мохова, это у вас в ПТО копировальная машина. У меня один журнал и одна ручка.

Он поставил точку и посмотрел на неё наконец.

– Ты его в конторе спроси. Он за июль всё сдал, у него в кабинете полка.

– Он не в конторе, – сказала Вера. – Он в бытовке.

– Ну вот, – сказал Штырь и вернулся к телевизору. – Значит, у него в бытовке полка.

***

В бытовке сварщиков горел свет. Копылов варил на третьем доме до девяти и теперь складывал аппарат.

– Сергей Николаевич, – сказала Вера с порога. – Один вопрос. Кто такой Рыжиков А. В.?

Копылов выпрямился, снял маску, которую держал на затылке, и посмотрел на неё, как смотрят на человека, который спросил про покойника.

– Рыжиков? Бригадир. Бетонщики его были, он с ними с весны стоял. В мае уехал.

– Куда?

– Домой. У него мать в Узловой, он туда и собирался. У него тут с Токаревым вышло, – Копылов повёл рукой, показывая что-то неопределённое, – ну, поговорили. Он собрался и уехал, я его сам на автобус подвозил, у него сумка была и сварочный зажим, он у нас в бригаде такой один.

– Он уволился?

– Он уехал, – сказал Копылов. – У нас разница есть, уволился или уехал, но в табеле, я думаю, он написан одинаково.

– А кто сейчас бригадир?

– Сизов. С мая Сизов.

Вера вынула из папки лист и показала ему наряд.

– Тут за июль стоит подпись бригадира. Рыжиков.

Копылов посмотрел, и лицо у него стало скучным — так бывает у людей, которые всю жизнь читают бумаги про себя и давно перестали им удивляться.

– Ну, – сказал он. – Значит, он приехал обратно и расписался. Я в мае подвозил, а в июле не подвозил. Может, он на выходные приезжал.

– Сергей Николаевич.

– Вера, – сказал Копылов и надел маску, хотя варить было уже нечего. – Я тебе про сварку могу всё рассказать. Про Сизова, про Усманова, про то, кто что делает. Про то, кто в бумаге расписывается, я тебе не расскажу, потому что я в тех бумагах не расписываюсь.

Он помолчал и добавил уже через маску, глухо:

– Вторую захватку мы вязали вчетвером. Плюс двое на подаче, с краном. Четыре дня. Я на первом дне выпуска до одиннадцати вечера варил, потому что нам сдвинули график на три дня раньше. Хочешь — это я тебе и в кабинете скажу, где скажешь.

– Хочу, – сказала Вера.

***

Домой она не поехала. Она вернулась в контору, включила настольную лампу и позвонила Нонне Павловне, потому что было уже половина одиннадцатого и звонить раньше было неудобно, а звонить позже — невозможно.

– Нонна Павловна, извините за позднее. Мохова.

– Я поняла, что Мохова, у меня на аппарате номер видно, хоть аппарат и без определителя. Что случилось?

– У вас есть наряд-задание номер двадцать семь по дому два? За июль. Бетонные работы, бригада номер четыре.

– У меня всё есть, – сказала Нонна Павловна. – Я тридцать один год считаю и ни одного наряда не выбросила, потому что потом их ищут, а их уже нет.

– Там подпись бригадира. Рыжиков.

В трубке стало тихо. Вера слышала, как на кухне у сметчицы идёт вода из крана, ровно, как из трубы для поливки.

– Приходите, – сказала Нонна Павловна. – Только не в контору. Утром у меня комиссия по зарплате, а в конторе три человека и все слушают. Приходите в четверг, к обеду. Я в сметном буду одна.

– Спасибо.

– И вот ещё, Мохова. – Сметчица сказала это другим голосом, суше, — так говорят вещи, которые не хотят говорить. – Вы часы не считайте. Часы — это арифметика, а арифметика у вас сойдётся сама. Вы считайте, кто их закрывает.

***

В начале двенадцатого, когда весь объект спал, кроме второй смены на третьем доме, Вера сидела над табелем и складывала столбик из двадцати двух фамилий.

Она выписывала их на отдельный лист, в одну колонку, и напротив каждой ставила одно слово. Напротив девяти — «видела». Напротив тринадцати — «не видела».

А когда выписала все, посмотрела на журнал бетонных работ, который лежал тут же, и увидела то, мимо чего прошла вчера, потому что вчера у неё были другие глаза.

Запись за седьмое августа, его рука: бетонирование второй захватки закончено, двадцать шесть и две десятых куба. Акт освидетельствования скрытых работ по армированию второй захватки — восьмое августа.

Она положила два листа рядом, копию журнала и копию акта, и долго смотрела, как два числа стоят далеко друг от друга и как хорошо им друг от друга далеко.

Седьмого августа колонны второй захватки залили. Восьмого августа составили акт на то, что до заливки должен был осмотреть человек, и осмотреть он мог только до заливки, потому что после заливки смотреть уже нечего: арматура в бетоне.

Акт скрытых работ, составленный на следующий день после того, как работа стала скрытой.

В тот самый день, когда человек, который должен был её осмотреть и не принял, упал с девятого этажа в лестничный проём, мёртвый акт подписал мёртвой рукой — и умерший человек стал ответственным за то, чего он не делал, потому что ответственным в этом деле всегда становится тот, кто уже ничего не скажет.

Домой Вера пришла в час ночи. Лист с двумя колонками она положила в папку «Отчёты по объёмам за июль», в самый конец, за сводки, где его никто не стал бы искать, даже если бы знал, что он есть.

В табеле за июль по дому номер два было двадцать два человека и три тысячи четыреста шестьдесят восемь часов. На площадке в июле было девять человек, и вязали вторую захватку шесть из них за четыре дня.

Сходилось всё. Арматура сходилась с проектом на бумаге и не сходилась в колонне. Часы сходились в табеле и не сходились с нарядами. Подписи сходились в графах и не сходились с руками.

Не сходились только люди — единственное, что на стройке нельзя подшить в папку.

Глава 6. Кубик

В лабораторию Вера приехала без пяти восемь, потому что знала: до восьми Инга Лапина бывает одна, а одна она бывает только до обеда.

Лаборатория стояла за механическим цехом, в одноэтажной пристройке из силикатного кирпича, и на ней была табличка, крашенная поверх старой: «Строительная лаборатория». Под слоем краски читалось «Склад № 3». Вера всегда думала, что в этом есть что-то правильное, только не могла сформулировать что.

Внутри было две комнаты. Первая — кабинет: стол, сейф, два шкафа с журналами, на стене график испытаний, на подоконнике банки с цементом, подписанные и накрытые крышками. Вторая — зал, и в зале стояло то, ради чего сюда ездят: гидравлический пресс на сто тонн, зелёный, с круглым манометром и стрелкой, которая ходит по циферблату медленно, как часовая. Между нижней плитой и верхней — зазор ровно под кубик десять на десять на десять.

Пахло маслом, цементом и водой из бака. Вера любила этот запах, потому что он был честный: здесь ничего не подписывали не читая, здесь мерили.

Инга Лапина сидела за столом в халате, в очках, и раскладывала на листе бумаги бумажные бирки — узкие полоски, на которых она выводила номер серии и дату. Руки у неё были в цементной пыли, а почерк — круглый, ровный, как у человека, которого в училище учили писать в журналах.

– Вера Сергеевна? – Инга встала и одёрнула халат. – Я думала, вы после обеда.

– Я до обеда, – сказала Вера. – Потому что после обеда в лаборатории бывает много людей.

Инга посмотрела на неё и села обратно. В этом взгляде было всё, что Вера ожидала увидеть: она ждала, что кто-нибудь однажды приедет.

***

Лабораторный кубик — самая простая вещь на стройке и самая упрямая.

Форму из трёх разборных стенок и поддона заполняют бетонной смесью в три слоя, каждый слой штыкуют стальным стержнем шестнадцать раз, потом сутки кубик стоит в форме, потом его достают, пишут на грани номер серии и дату отбора краской или чернилами и кладут в бак с водой в камеру нормального твердения, где температура двадцать плюс-минус два градуса, а влажность такая, что у человека, вошедшего туда, через минуту мокро за воротником.

Отбирают серию, а не один кубик. В серии три кубика. Один испытывают на седьмые сутки — это как температура у человека: ещё не диагноз, но уже видно. Второй испытывают на двадцать восьмые сутки, и это уже ответ, потому что именно к двадцати восьми суткам бетон набирает проектную прочность. Третий держат в запасе: он называется арбитражный, и он нужен на случай спора — чтобы, когда спор придёт, было чем ответить, а не чем объяснить.

– Вы привезли? – спросила Инга.

Вера положила на стол накладную в двух экземплярах и расписалась на обоих. По накладной от одиннадцатого августа лаборатория принимала три серии, отобранные на третьей захватке в присутствии инженера ПТО: девять кубиков, три короба, маркировка 9-2/3-1, 9-2/3-2, 9-2/3-3.

Инга прочитала накладную до конца, дошла до подписи и остановилась.

– Три серии, – сказала она. – Полные.

– Полные.

– У меня с июля по этому дому не было ни одной полной серии. – Инга сказала это ровно, без жалобы, и только потом подняла глаза. – Вы первая, кто привёз три короба за один раз.

Она встала и пошла в зал. Вера пошла за ней.

В углу, на поддоне, стояли три деревянных короба с бирками. Инга открыла крышку первого, посчитала кубики пальцем, как считают в уме детей, и закрыла.

– Седьмые сутки у них восемнадцатого, – сказала она. – Двадцать восьмые — восьмого сентября. Раньше испытать нельзя, будете вводить себя в заблуждение. Если раньше восемнадцатого в деле появится протокол — значит, протокол липовый.

Вера достала ежедневник и записала: 18.08 — семь суток, третья захватка.

– Инга, – сказала она. – У вас есть журнал регистрации проб?

– Есть.

– Дайте посмотреть по девятому этажу. Мне нужно всё: сколько серий, кем отобраны, где результаты.

Инга не пошла к шкафу. Она стояла и смотрела в сторону пресса, как будто считала что-то, чего Вера не могла видеть.

– Вы в понедельник звонили, – сказала она наконец. – Я трубку бросила.

– Я помню.

– Я её бросила не потому, что вы спросили про кубик. Я её бросила потому, что в пятницу, – Инга сказала «в пятницу» тише, – у меня из-под замка пропали два кубика. И я вас услышала, и мне показалось, что вы уже про них знаете.

***

В журнале регистрации проб, который Инга положила на стол, было девять серий по дому номер два.

Четыре серии — июньские, по третьему, четвёртому и пятому этажам, к ним протоколы были, и в протоколах всё сходилось: разрушающая нагрузка, пересчёт, класс. Пятая серия, от двадцать девятого июля, была по первому дому, её отбирали на перекрытии, и по ней тоже был протокол.

А дальше пошли четыре серии подряд, все по девятому этажу дома номер два, и напротив каждой в графе «результат» стоял прочерк.

Серия 9-2/1 — отбор пятого августа, первая захватка, отобрал мастер Басов. Три кубика. Прочерк. Серия 9-2/2 — отбор седьмого августа, вторая захватка, отобрал и расписался в журнале прораб Жбанов. Три кубика. Прочерк. Серия 9-2/3 — отбор одиннадцатого августа. Вера сама её привезла. И ещё одна серия без номера, от тридцать первого июля — там было написано «отбор по требованию технического надзора», и тоже без результата.

– Четыре серии, – сказала Вера. – Это двенадцать кубиков, которые в журнале есть, а результата не имеют.

– Одиннадцать, – сказала Инга. – Потому что по девятой-два-один два кубика у меня в воскресенье были, а в понедельник их не стало.

– А третий?

– Третий лежит. – Инга кивнула на камеру нормального твердения. – Он один, и с ним ничего сделать нельзя. Серия считается закрытой, когда она вся: или все три в лаборатории, или три результата в журнале. С одним кубиком я протокол выдать не могу, потому что любой, кто захочет, скажет: а где остальные два? Может, вы их разрушили, потому что они плохие.

– И вы решили не говорить никому.

– Я решила молчать три дня. – Инга сняла очки и стала протирать их полой халата, и без очков у неё было другое лицо, очень молодое. – С пятницы по понедельник. В пятницу я тут всё перерыла, весь зал, я думала — я их куда-то поставила, я думала, я с ума схожу. В воскресенье я пришла с утра и посчитала всё, что у меня есть, поштучно. Два кубика серии девять-два-один пропали между пятницей и воскресеньем. Ключ от зала есть у меня, у начальника лаборатории в тресте и в диспетчерской. И замок там такой, что открывается гвоздём, если человек знает, как.

– Почему вы мне не позвонили?

– Потому что недостача кубиков — это недостача, за которую отвечаю я, – сказала Инга. – Я за них расписывалась в накладной. Я первый год после распределения, я живу в общежитии, у меня мать и сестра в райцентре, и, если мне напишут недостачу образцов, меня уберут из лаборатории. И тогда я буду сидеть на объекте и рисовать табели, как все, и ничего больше не смогу.

Вера молчала. В этом месте полагалось сказать что-то утешительное, и она не хотела этого говорить, потому что Инга была права, а утешать правого — значит ему врать.

– Инга, – сказала она. – А если эти два кубика не пропали?

***

Дальше разговаривать им не дали, и это оказалось к лучшему, потому что в зал вошёл Жбанов.

Вера услышала его раньше, чем увидела: он всегда стучал по косяку одним пальцем, два раза, как в дверь, которую всё равно откроют.

– Инга, здорово. – Он посмотрел на Веру, кивнул, и кивок был вежливый. – Мохова, ты чего тут, утро начинаешь с лаборатории?

– Привезла образцы по третьей захватке, – сказала Вера. – По накладной.

– По накладной, – повторил Жбанов. – Хорошо, что по накладной. А то у меня в журнале отбор записан, а образцов никто не видел.

– Их видели, – сказала Вера. – И я, и водитель, и вы, потому что вы при этом стояли и смотрели, как я их опечатываю.

Инга поставила на стол три короба с бирками и накрыла их крышками поочерёдно, каждый раз плотно, до стука.

Жбанов смотрел не на короба, а на Ингу, и это длилось секунды три.

– Инга, – сказал он другим голосом. – Я к тебе не с этим. У меня по первому дому серия июльская, двадцать девятое. Мне протокол нужен сегодня, у меня КС на подписи.

– По двадцать девятому протокол вам выписан в пятницу, – сказала Инга, не поднимая головы. – Он в первом шкафу, вторая папка снизу, я вам его вынесла, а вы сказали, что зайдёте потом.

Жбанов помолчал. Вера в этот момент увидела, как он решает: при Инге продолжать нельзя, Инга — свидетель, которого потом можно прижать тем, за что он держит её давно, но при ней — нельзя.

– Ну, значит, зайду потом, – сказал он и ушёл, стуча по цементному полу так, как ходят люди, которым здесь ничего не страшно.

Инга дождалась, пока шаги стихли, села на табурет и сказала совсем тихо:

– Он был тут в пятницу.

– Когда?

– В обед, – сказала Инга. – Он заходил и стоял вот тут, у поддона. И я ушла в кабинет, потому что у меня был телефон Москвы, а когда вернулась, его уже не было.

***

В подвал дома номер два Вера спустилась в двенадцать часов дня, с ключами, которые ей отдала Ольга.

Ольга привезла их в понедельник вместе с объяснением, написанным от руки, и с мартовским заявлением отца в соцзащиту как свободным образцом подписи. В свёртке из газеты было четыре ключа, и на них была привязана картонка, на которой рукой Басова было написано: «быт.», «каптёрка», «шкаф», «домой». Вера спросила тогда, от чего четвёртый, и Ольга сказала: «Не знаю. Он, наверное, и сам не знал».

Каптёрка мастера была в подвале, за узким проходом между колоннами, рядом с отсеком, где стояли краска и метизы, и где Клавдия Петровна держала то, чего не должно быть в общем складе. В воскресенье там не было никого, кроме кошки.

Шкаф был железный, выкрашенный зелёной краской, с одной петлёй сломанной. Четвёртый ключ подошёл к замку с первого оборота, и это почему-то было больно: человек собрал ключи связкой и подписал картонку, чтобы однажды в этот подвал кто-нибудь зашёл и не спрашивал ни у кого, что здесь лежит.

Внутри на верхней полке стоял чайник, лежали кружка, пачка чая в прищепке и сухари в пакете. На нижней — ветошь, две пары рукавиц, кусок мыла, разводной ключ, банка с гвоздями.

А между ветошью, завёрнутые каждый отдельно, лежали два кубика.

Она вынула первый и увидела на грани бирку лаборатории, подписанную круглым почерком лаборанта: «9-1/2. 05.08.08. В30». А на другой грани, краской, коротко, углами, как пишут на маркировке, стояло два слова и цифра: «В22,5 пас.2118».

Вера села на табурет и держала кубик на ладони, как держат что-то, что нельзя уронить.

Краска была из той самой банки, которую ей в июне привёз из города Усманов. Той краской на площадке красили номера захваток на щитах опалубки. И этой же краской человек написал на кубике то, чего не написал больше нигде: класс бетона, который привезли, вместо класса бетона, который был в проекте.

Второй кубик был завернут так же. Вера развернула его на коленях: бирка, номер 9-1/3, дата пятое августа. И на грани, тем же угловатым, коротким письмом: «В22,5 пас.2118».

Она положила оба кубика в сумку, накрыла их папкой, чтобы не стучали, и пошла наверх, и на лестнице из подвала ей пришлось остановиться, потому что руки начали дрожать не от холода, а от того, что она поняла, что теперь у неё есть.

***

Инга ждала её в зале, у пресса, и когда Вера выложила кубики на поддон, она сначала ничего не сказала, а потом села на табурет, как садятся, когда ноги отказываются стоять по-хорошему.

– Это они, – сказала она. – Это они. Вот моя бирка, вот моя рука, я их сама клеила. Я их видела последний раз пятого числа.

– Считайте, – сказала Вера. – Считайте вслух.

И Инга стала считать, и это был тот счёт, ради которого Вера вообще приехала в лабораторию.

– Серия девять-два-один, отбор пятого августа, три кубика. Первый у меня в камере, второй и третий — вот они. Серия полная. – Она подняла глаза. – То есть она была полная всё это время, только лежала в двух местах. Если бы я нашла их сама, я бы всё равно не имела права их принять: я не могу принять образцы из рук мастера, который их отобрал, я могу принять только из чужих рук и по бумаге. А вы — по бумаге.

– Значит, бумага, – сказала Вера и достала накладную.

***

Дальше всё было медленно и скучно, и Вера потом думала, что самое сильное в её деле получилось именно из скучного.

Инга вынесла из кабинета журнал регистрации проб, и они вдвоём переписали в него то, чего в нём не было: под накладной от тринадцатого августа, номер по журналу 141, строка: «Серия 9-2/1, отбор 05.08.2008, кубики № 2 и № 3 предъявлены 13.08.2008 инженером ПТО Моховой В. С. Образцы приняла лаборант Лапина И. А.». Инга расписалась. Вера расписалась. Инга поставила дату и время — четырнадцать двадцать, — и заметила, что время теперь ставят все, и это, наверное, правильно.

Потом Вера достала лист бумаги и составила перечень из четырёх строк, где сказано было только то, что можно проверить:

Первое. Серия 9-2/1 отобрана на первой захватке девятого этажа дома номер два пятого августа 2008 года в трёх экземплярах.

Второе. Два экземпляра серии обнаружены тринадцатого августа 2008 года в шкафу мастера участка Басова П. И. в кабинете-кладовая подвала дома номер два, доступ к которому имели работники участка и лица, получавшие ключ по журналу.

Третье. На обоих экземплярах имеется надпись, выполненная краской: класс бетона и номер паспорта качества.

Четвёртое. Обнаружение зафиксировано актом, составленным в двух экземплярах.

– Акт, – сказала Инга. – Вы пишете акт?

– Я пишу перечень, – сказала Вера. – Акт пишут комиссией. А перечень может составить один человек, и он от этого не перестаёт быть документом.

Инга подумала и кивнула.

***

Кубик номер первый достали из камеры нормального твердения в половине третьего.

Он был мокрый, тяжёлый, серый, с чуть заглаженным верхом — тот, кто его формовал, в конце провёл по смеси мастерком, и след мастерка остался, как отпечаток ладони на глине. На грани была бирка, на бирке — «9-1/1». На другой грани — то же угловатое: «В22,5».

Инга обтерла его ветошью, положила на нижнюю плиту пресса, опустила верхнюю и проверила зазор, потому что кубик должен стоять ровно, а иначе он не разрушается, а выскальзывает, и тогда вся работа напрасно.

– Седьмые сутки у него восьмые, – сказала она. – Вчера. Сегодня девятые. Это ничего не меняет: за сутки бетон не переучивается.

– Мерить будем?

– Будем, – сказала Инга. – Только я вам сразу скажу, чтобы вы не удивлялись потом ничему. По правилам испытание серии делают при техническом надзоре заказчика. Он приезжает, смотрит, расписывается в журнале, и тогда появляется протокол, у которого есть номер и который годится для суда. Без него это не протокол, это измерение. Я вам измерение сделаю и запишу, потому что записать я обязана, а выдавать его за протокол не буду, и вы меня о таком не просите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.